

РАЗВЕДКА
УКРАИНЫ

ОТ ПЕРВОГО
ЛИЦА

**ЕВГЕНИЙ
БЕРЕЗНЯК
РАССКАЗЫВАЕТ**
Воспоминания майора Вихря

ИД «ВОЕННАЯ
РАЗВЕДКА»

ОТ ПЕРВОГО
ЛИЦА

Е. Березняк, М. Марченко

ЕВГЕНИЙ БЕРЕЗНЯК РАССКАЗЫВАЕТ

**ВОСПОМИНАНИЯ
МАЙОРА ВИХРЯ**

Киев
Издательство «Довира»
2010

ББК 63.3 (2) 622.5

Б48

В этой книге известный разведчик Евгений Березняк (майор Вихрь), которому в 2010 году исполнилось 96 лет, впервые рассказывает подробности о своей жизни. О строгом воспитании отца и своих мальчишеских проделках, как впервые попробовал учительский хлеб и над чем трудился 80 лет как педагог, о работе в Днепропетровском подполье и разведывательной группе «Голос» во время Великой Отечественной войны. Значительная часть воспоминаний посвящена интересным и выдающимся личностям, с которыми Евгения Степановича свела судьба, а также анекдотическим и курьезным случаям из его жизни.

Разработка серии Ю. М. Ярухин

Руководитель проекта Ю. Т. Левченко

© Березняк Е. С.
Марченко М. И., 2010
© Издательство «Довира», 2010
© Идея, разработка серии
«От первого лица»
Ярухин Ю. М.

ISBN 978-966-507-271-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга не написана мной, а «наговорена». К тому моменту, как я приступил к работе над ее созданием, зрение уже практически покинуло меня. И вот, на третий день после того, как мне исполнилось 96, я решил, что нужно непременно поделиться тем, что накопилось в памяти и душе за многие годы.

Помогла мне в этом деле симпатичная дивчина, Марина Марченко. В шутку она говорит, что дочь князя Игоря, а на самом деле ее отец — украинский композитор Игорь Марченко, автор песни «Сывына». Она записала и отредактировала текст.

Еще одним бесценным помощником была моя дорогая жена, Катерина Кузьминична, с которой мы прожили вместе уже более 50 лет. Она отыскивала нужные странички из моих давних публикаций, чтобы освежить в памяти нужный фактаж.

Осуществить общий замысел мне помогли отличные ребята, настоящие ассы своей профессии из Фонда ветеранов военной разведки во главе с генерал-майором Юрием Левченко, за что я им очень признателен.

Меня больше знают, как майора Вихря, о котором много написано и снято фильмов. Но я все-таки Евгений Степанович Березняк. А разведчиком меня сделала война на довольно короткий период времени — немногим более года. Моя же основная профессия — педагог, и ей я отдал более 80 лет своей жизни.

Вот об этом я и хотел рассказать. А еще о своем детстве, о том, как строго меня наказывал отец, как первый раз я попробовал учительский хлеб, каких удивительных людей я встречал на своем пути и к кому я был всю жизнь в оппозиции. И, конечно, о войне. О наших смелых и патриотичных разведчиках, польских побратимах и о Кракове, который мы все вместе все-таки спасли!

Я очень хотел бы, чтобы читатели, перелистывая страницы этой книги, нашли для себя что-то новое, интересное и получили заряд бодрости и оптимизма или хотя бы просто улыбнулись. Ведь я и сам еще с удовольствием продолжаю учиться у нашего главного учителя, имя которого — Жизнь.

*Герой Украины,
Евгений Березняк*

ОТ СОАВТОРА

Мне несказанно повезло. На зависть всем журналистам и писателям я почти два месяца абсолютно «легально» общалась с бесконечно интересным и очень светлым человеком Евгением Степановичем Березняком.

От него веет добром и человечностью, чего теперь днем с огнем не найти. Было очень легко и комфортно разговаривать с легендарным разведчиком, сидя напротив, за большим столом у него дома.

Я ни разу от него не услышала: «Я плохо себя чувствую» или «Может быть, перенесем встречу?» Никаких замечаний, поучений или сомнений. Мы работали в атмосфере полного доверия, хотя для Евгения Степановича я совсем незнакомый человек.

Когда потом прослушивала запись, отметила про себя, что ни одна его фраза не начинается со слова «Я», как это часто случается с людьми, избалованными славой. Конечно, скромность нынче не в почете. Но дело здесь в ином — мне представился редкий случай общаться с человеком интеллигентным до мозга костей.

Рассказывая о себе, Евгений Степанович много и с удовольствием говорил о других людях, которые чем-то впечатлили его и, как он считает, сыграли определенную роль в его жизни. Так образовался целый раздел книги под названием «Личности».

Я была просто поражена его феноменальной памятью. Неимоверное количество точных дат, имен, названий хранится в его, как он сам выражается, «компьютере» (при этом пальцем указывает на свою голову). И это касается не только событий давно минувших дней, но и сегодняшней нашей жизни.

Евгений Степанович очень современен. Он ни на минуту не прекращает работу над собой, хотя, казалось бы, никаких стимулов для этого нет. Есть почет и уважение, обеспеченность и

законное право поживать на лаврах. Но каждое утро он делает своеобразную «зарядку» для мозгов — знакомиться со свежими новостями страны, слушает заседание Верховной Рады.

В книге вы не найдете раздела, рассказывающего о личной жизни Березняка. Это совершенно закрытая тема. Когда я спросила его: «О любви будем говорить?» — «Нет», — кратко ответил он. И потом отшутился: «Если бы лет пятьдесят назад...» Мне чем-то понравился этот ответ. Не распространяются о сокровенном только настоящие мужчины, к каковым, без сомнения, относится и Евгений Степанович.

Разведчики любя называют Березняка «дедом». А вот я его как деда или дедушку никак не воспринимаю, хотя, безусловно, он и философ. Уж слишком он жизнелюбив и молод душой. А когда Евгений Степанович начинает рассказывать о том времени, когда ему было 25 и он руководил группой разведчиков во вражеском тылу, то вообще превращается в мальчишку — отважного и дерзкого.

Завидую всем, кто работал под его руководством на педагогической ниве. Уверена, что более справедливого начальника, наверное, нет и не будет. Думаю, что сегодня нашему народному образованию очень не хватает такого «Березняка», который бы навел порядок в школах и защищал их от многочисленных глупостей, которые там насаждают невежественные политики.

Давно забытое слово «невежественный» — из лексикона самого Евгения Степановича. Его речь изумительна. Он говорит на чистом русском языке (как, впрочем, и на украинском, хотя в школе его никогда не изучал). Оценивая какую-либо работу, как настоящий педагог ставит оценки. Разумеется, по пятибалльной системе. Мне, например, за раздел о детстве поставил «5», когда я читала вслух ему все записанные воспоминания.

Без юмора и шутки этот человек-легенда не живет и дня. Наверное, поэтому родилась идея целый раздел книги посвятить хохмам от Березняка. Получился он довольно «жирным» и, надеюсь, смешным. Восхищаюсь смелостью Евгения Степановича, ведь не каждый заслуженный и солидный человек рискнет рассказать анекдотические и курьезные эпизоды своей жизни. Однако его согласие и активное сотрудничество — признак не только ума, но и таланта. Таланта быть человеком.

Марина Марченко

ДОЛГОЛЕТИЕ

Недавно мне исполнилось 96 лет. Под впечатлением многочисленных поздравлений я попытался ответить себе на очень непростой вопрос: почему я так долго задержался на нашей планете? Ведь продолжительность жизни людей сейчас очень невелика.

Думаю, что главным слагаемым моего долголетия является труд. Я много думал над этим и посчитал, что мой трудовой стаж — 90 лет. Это не хвастовство. Ведь я начал трудиться в 5–6 лет и продолжаю это делать и теперь. Для того, чтобы вы сейчас прочитали эти строки, мне пришлось тоже потрудиться, и немало. Потому, что каждая глава этой книги — это часть моего сердца.

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЖИЗНЬ

Вторая составная часть моего долголетия — уважение и любовь к жизни. Человек, который не уважает жизнь, не может ей распорядиться, он долго жить не будет. Я вспоминаю, что в одиночной камере смертников гитлеровской тюрьмы «Монтелюпиха» в Кракове, куда я попал, можно было сделать 4–5 шагов. Я постоянно ходил по ней и...пел. Пел очень тихо, чтобы не услышал охранник. Причем пел нелюбимые, какие-то нелепые песни. Например, такую:

Ой машина ты зализна
Куды мылого завезла.
Ой машина ты свысточок
Подай мылый голосочок

Когда же следователь гестапо зашел в мою камеру и спросил на плохом русском, знаю ли я, что меня ожидает, выразительно показав жестом виселицу, я был спокоен и уравновешен. Хотя я хорошо знал, что из гестапо никто не возвращается на этот свет.

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР

У меня в жизни была и другая ситуация. В 1982 году мне сделали серьезнейшую операцию — удалили почти половину мочевого пузыря. Операция прошла блестяще. Но диагноз был поставлен страшный — рак. Врач не объявлял мне его, он не имел права. Но, когда я был на приеме у заведующего отделением, милого, хорошего человека, я случайно увидел на его столе свое досье. В нем лежал мой приговор, напечатанный на пишущей машинке.

Когда я его прочел — даже не вздрогнул. Я не поверил в этот приговор. Я пришел домой, но жене ничего не сказал. И жена прошла молчанием этот мой диагноз, хотя все знала.

После этой операции я 24 года живу на белом свете. Мне кажется, это случилось потому, что я тогда поверил в жизнь. Потому, что очень любил ее.

Через месяц мне предстояло сделать еще одну операцию. У меня пошли камни, и один из них закрыл проход в мочеточник. Начался процесс, который было трудно остановить. Температура 40–41 градус, дважды на ночь жена меняла мне постель, Я похудел более, чем на десять килограмм. Но антибиотики сбили температуру, и нужно было оперироваться.

Сын Василий, 1967 г.

Сын Виктор, 1973 г.

Дочь Валентина, 1977 г.

В назначенный день заходит ко мне Зайченко — заведующий урологическим отделением больницы в Феофании, садиться на мою кровать и говорит:

— Евгений Степанович, давайте мы отложим эту операцию.

— Если бы Вы сказали, что можно обойтись без операции, — ответил я, — тогда бы я пожал Вам руку. Но откладывать ее я не хочу. Идемте в операционную, — подбодрил я доктора. Он молча пожал мне руку и через час я уже был на операционном столе.

Жена стояла под дверью в ожидании результата, когда из операционной выскочил второй врач и, схватившись за голову,

произнес: «Боже мой, как мы вовремя все сделали! Еще бы полдня — и нужно было бы удалять почку.

Я остался жить. Потому, что с большим почтением и уважением я отношусь к жизни.

Были у меня и другие проблемы со здоровьем, но я никогда не поддавался панике и ничего не боялся. В гестаповских застенках я испытывал страх, но умел его преодолеть, придавить в себе. Поэтому, наверное, я и живу...

ВЫСОКАЯ ОЦЕНКА

А еще жизнь продлевает мне высокая оценка, которую я получил за мой труд, участие в Великой Отечественной войне, хотя это произошло с большим опозданием.

Получив такое признание, такое количество наград и почетных званий, я не имею права уходить. Мои товарищи, которым немного за 90, говорят, что равняются на меня.

Я очень люблю людей. Люблю общаться с людьми — это моя стихия. Общение меня вдохновляет и радует, оно помогает мне выстоять, преодолеть депрессии и всякие неприятные вещи, которые неминуемо бывают в жизни.

Отец, мать и сестра Лида, 1913 г.

Помогает и чувство юмора, которое не оставляет меня и сегодня, в мои 96. Нет, нет, да и посетит меня смешинка. Пытаюсь ее всегда передать еще кому-нибудь.

Часть моего долголетия — это моя семья. Жена Катерина, мои сыновья — Василий и Виктор, дочка Валентина. Я их очень люблю. Они трудятся и делают это по-настоящему. Меня никогда не подводили, не подводят и сегодня. Конечно же люблю своих внуков и правнуков.

Я не отрицаю и влияния генов, то есть того, что дали мне мои родители. Сейчас я уже почти не вижу, но сегодня перебирал фотографии и узнал одну. На ней запечатлены мой отец, мама и сестра Лида. Другие фотографии не смог разглядеть, а эту... Произошло какое-то чудо, и я увидел своих родных. Отца. Маму. Сестру. Закапали слезы...

СТУПЕНИ

Судьба подарила мне много лет жизни. И вот что я думаю об этом. Я столько лет живу на свете после того, как прошел через огромные трудности, пережил опасные и сложные ситуации, был в немилости у властей... А я живу. И более того, еще помню кое-то из своей биографии.

ШКАТУЛКА

Я родился в Днепропетровске в 1914 году — в начале прошлого столетия, накануне Первой мировой войны. Отец мой — Степан Березняк был столяром по специальности, но работал на Брянском металлургическом заводе. Теперь он называется завод имени Петровского. Самого Петровского, Григория Ивановича, всесоюзного старосту, отец мой знал лично.

В начале Первой мировой он ушел на фронт и служил в царской армии, водил автомобиль. Должность у него была редкая, так как автомобилей тогда было очень мало — одна машина на весь полк.

С фронта отец вернулся в нашу бедную семейку, которая проживала на Чечеловке — окраине Днепропетровска. Он пришел с гармошкой, на которой хорошо играл и пел украинские песни.

Когда мне было 3–4 года, отец уехал из Днепропетровска со всей семьей в поисках работы и лучшей жизни. Поселились мы в селе Алексеевка Кировоградской области, недалеко от железнодорожной станции Помошная.

В этом селе жил мой дедушка и его братья по папиной линии.

Отец поставил в Алексеевке глинобитную хату с глиняным полом и соломенной крышей. Мы получили надел земли, и я помню, что он располагался в трех или четырех местах далеко от села. На одном участке сеялась кукуруза, на другом озимая пшеница, на третьем подсолнухи. Удивительно, но я даже запомнил расположение этих участков.

Когда переехали в Алексеевку, шла гражданская война. Я даже помню, что через наше село проходил Махно со своим отрядом. Запомнился мне такой эпизод. Один из бойцов батьки бросил мне шкатулку, когда я стоял возле дороги. Я кинулся к

этой шкатулке, но другой махновец, опередив меня, поймал ее на лету и забрал себе.

Жили мы очень бедно. Я ходил до морозов босиком. И когда начинались холода, мама мне давала подлатанные «чобитки».

УРОКИ ОТЦА

С пяти лет я помогал отцу в поле. Он меня научил трудиться по-настоящему. И там, в селе, я полюбил труд. Наверное, именно с тех времен я понял: для человека, чтобы он оставался человеком, необходим труд. В этом я убедился на протяжении всей своей довольно продолжительной жизни.

Еще отец учил меня правде. Он мог сильно наказать меня за вранье и легко прощал «тяжкие грехи», если я в них признавался. Помню как-то, явился я со школы с разбитой губой. Отец начал допрашивать меня «с пристрастием». Я сказал ему, что упал на льду и ударился губой. «Хорошо, тогда где в это время находился твой нос?», — спросил он.

За то, что я ему наврал, он поставил меня в угол на колени. И не смотря на это, он всегда был для меня самым справедливым человеком на свете.

В детстве я очень любил плавать. В нашем селе был огромный пруд, который начинался сразу же за нашим огородом. Каждый удобный момент я использовал для того, чтобы удрать и поплавать. Отец мне категорически запрещал далеко заплывать и с огорода наблюдал за тем, как я выполнял его «предписание».

Однажды я нарушил инструкцию и переплыл пруд. Когда Березняк-старший увидел меня на другом берегу, он в наказание заставил меня обойти этот пруд пешком в чем мать родила. Это было для меня самое страшное наказание — такого позора я не выносил.

ЛЕНИН, ТРОЦКИЙ И ШЕВЧЕНКО

Мне было 11 лет, когда я закончил начальную школу в Алексеевке. Я запомнил, что на лицевой стороне свидетельства, которое я получил, были портреты Ленина, Троцкого и Шевченко.

Сама школа, в которой я учился, была маленькой и невзрачной. В 1–2 классе меня учила Ольга Евгеньевна Федосеева — очень милая женщина, жена моего родного дяди. В 3–4 классе я уже учился у заведующего школой Услыстого Ивана Степановича. Он был строгий, грубый, и оскорблял детей. Запомнил его, как самого невежественного учителя.

Если я не мог решить задачу, он брал меня за уши и толкал об доску головой. Я тоже не оставался в долгу перед Иваном Степановичем и находил способ, чтобы ему отомстить. Один раз я вылил на его вогнутый стул пол стакана воды во время перерыва. Он пришел и хлопнулся в эту воду. Когда же Иван Степанович поднялся, с него текла вода под общий хохот ребят.

Затем я поступил в 5 класс семилетней Помошнянской школы. Для того, чтобы учиться в этой школе, нужно было каждый день преодолевать около четырех километров пути. И это зимой, в грязь, дождь и слякоть. Вначале меня сопровождала мама, потом я и сам ходил. Иногда задерживался до вечера, и потом приходилось по темноте пробираться домой. Три года я испытывал неопишуемые трудности.

ДРУЖНАЯ СЕМЕЙКА

Семья у нас была очень дружная. У меня было две сестры. Старшая Лидия, а младшая — Дуся. Лида была у нас в руководителях, хотя старше меня была всего на два года. Она настойчиво пыталась управлять и командовать мною. Но эти попытки у нее были, как правило, неудачные — я оказывал упорное сопротивление.

Евгений березняк с сестрами — Лидой (справа) и Дусей, 1940 г.

Помню, был такой случай. Однажды она несла воду на коромысле и остановилась отдохнуть. Сняла ведра, коромысло поставила рядом. Увидев меня, погналась с прутом, чтобы отхлестать, но я схватил ее коромысло и огрел сестру по голове. После такого смелого отражения атаки, Лида на меня больше не нападала.

А младшую сестру мы дразнили Петухом. Она была очень «задыркувата», но мы уважали ее, как самую маленькую.

В нашей семье особой строгостью отличался отец. Его фирменное наказание — поставить в угол на колени, где была рассыпана кукуруза. Меня наказывали чаще всех. Тогда мама незаметно брала метелку и делала вид что подметает. На самом деле она выметала кукурузу из-под моих коленок, стараясь хоть таким образом облегчить мою участь.

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

До 1929 года отец оставался работать в сельском хозяйстве. А потом, не знаю даже по какой причине, он вспомнил свой Днепропетровск и вернулся туда. Начал работать на хлебокомбинате столяром, а нас оставил в селе.

В этом же 29-м умерла моя мама. Ей было всего 30 лет. Умерла очень нелепо, от ангины. На Рождество мы зарезали кабанчика, и она пошла на пруд мыть потроха. Там и простудилась. Погода была ужасная — гололед, нельзя было выехать из села, чтобы привести врача.

Мама у меня была очень добрая. Была хорошей хозяйкой и очень вкусно готовила. Я до сих пор помню ее борщ, ее плачиды (свернутые рулетом пироги).

У нас с ней была неразрывная, особая любовь, которую не могу забыть до сих пор. Умерла она на второй день Рождества. И сейчас, в свои 96 я всегда вспоминаю ее в этот день и горюю.

С этого времени началась моя самостоятельная жизнь. В 14 лет я оставил семью. В том же 29-м я закончил семилетнюю Помошнянскую железнодорожную школу.

Как раз в это время объявили досрочный набор в Зиновьевский Педагогический техникум (Зиновьевск теперь Кировоград). И я, не посоветовавшись с отцом, поступил туда учиться.

Техникум располагался в приспособленном помещении богадельни, рядом с которым был большой сад. Я получал 27 рублей стипендии, и научил себя жить на эти средства, понимая, что помощи ждать неоткуда. В нашей студенческой столовой завтрак стоил 10 копеек, а обед — 17. Я рассчитывал так, чтобы стипендии мне хватило на месяц.

Отец женился. Мачеху свою мы не любили, и разбрелись по свету кто куда.

ДЕБЮТ

После окончания техникума я попал в Ивановскую школу Кировоградской области и был назначен учителем 3 класса. И, когда я первый раз зашел в класс и попытался провести урок, я сразу понял — не для меня эта работа. Скажу честно — я просто испугался детишек. Я пытался призвать их к порядку, а они кричали. Я пытался призвать их к тому, чтобы они не кричали, а они кричали еще больше. Казалось, что мне попались непослушные, тяжелые дети. После этого неудачного дебюта, я оставил школу и свою педагогическую деятельность.

Вернулся в Днепропетровск, остановился у своего дяди, который работал инженером-строителем. И в 1932 году поступил в Горный институт, стал студентом эксплуатационного факультета. Стипендию мне установили 67 рублей, и за эти деньги я тоже умудрялся жить.

В этом же году я попал на первую в своей жизни практику горняка — в Донецкую область, село Евдокимовка. Это была шахта 16–17 Буденовского шахтоуправления, загазированная метаном, глубина которой была 1600 метров.

На практике я находился довольно долго, три с половиной месяца. По ее окончании мне присвоили звание — горный мастер. За это время я успел освоить ряд горных профессий: был отбойщиком, откатчиком, бурильщиком. Я увидел шахтерский тяжелейший труд. Увидел первого человека, придушенного лавой. Это было для меня большой школой жизни.

33-й

В голодный 33-й год я ушел с Горного института и вернулся на педагогическую работу. Думал, что в селе легче будет выжить. До сих пор считаю это глупейшим поступком, потому, что будучи студентом, я получал два фунта хлеба. А когда я приехал в село и стал учителем, я получал 6 килограмм кукурузной муки на месяц.

Мои новые ученики, дети Веселовской школы — несчастные и голодные решительно отличались от тех неуправляемых детей из Ивановской школы.

Я представляю их и сейчас — не по возрасту взрослыми с печальными личиками. Мы в это голодное время варили для них

какую-то похлебку из проса, чечевицы и гороха. Для больных детей, которые не могли дойти до школы, мы отправляли эту похлебку к ним домой. И никто из этих полуголодных детишек не посмел тронуть ту пайку, которая была положена его соученику. Это детское благородство в корне изменило мое отношение к ним.

О голоде 33-го года в последнее время стали много говорить, называя его геноцидом против украинского народа. Считаю, что это нелепый и глупый вымысел. Нужно прекратить болтовню вокруг этого страшнейшего несчастья. Голод был, ему предшествовал сильнейший неурожай, я его помню. Хлеба действительно не было. И крупнейшая ошибка советской власти и Центрального комитета партии, граничащая с преступлением, заключалась в том, что у народа забрали все «под метелку» для тотальных заготовок. Но то, что это не был искусственно организованный голод, я в этом абсолютно уверен. В это время умирали и евреи, и русские, и украинцы, и татары и люди других национальностей.

В селе Веселом, в котором я работал, в это время ни одного смертного случая не было. Правда, село находилось на «черной доске» потому, что оно не выполняло хлебосдачу, и многие его жители работали в Донбассе, получая там хлеб.

БЕРЕЗНЯК УЧИТЕЛЬ

С этой Веселовской школы начался Березняк учитель. Я преподавал буквально все предметы. Немецкий язык (хотя почти не знал его), математику, обществоведение и другие предметы.

Я полюбил детей. Играл с ними в футбол, другие спортивные игры, одним словом мы подружились. Ведь в седьмом классе у меня были ученики, моложе меня всего на три-четыре года.

Интересно, что через 35 лет я попал в это же село. Меня уже знали, как военного разведчика, майора Вихря. Сопровождал меня Первый секретарь Межевского райкома партии, заведующий областным отделом народного образования. Все село вышло на площадь встречать бывшего учителя Березняка, который со многими из них играл в футбол.

И вот подходит ко мне довольно пожилой человек, обнимает меня и признается в том, что он мой ученик. Я посмотрел на него и в шутку сказал: «Какой же я тогда старик, если у меня такой ученик».

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ «ОХВИСТЯ»

В 1934 году был создан новый район — Петропавловский, и меня забрали в отдел народного образования на работу инспектором. Благодаря новой должности я получил даже личный транспорт — велосипед харьковского производства. На все село Петропавловка он был единственным, и местная детвора бегала за мной, чтобы посмотреть, как крутятся у него педали. На этом велосипеде я с шиком приезжал в школу.

Учителя в районе меня полюбили. Я организовывал для них самые различные спортивные соревнования. Например, мы всей громадой построили парашютную вышку в селе. Когда же нужно было ее испытать, первыми забрались на самый верх секретарь райкома комсомола Алеша Середа, мой друг, и я. Алеша надел парашют, подошел к краю вышки, посмотрел вниз и сказал: «Нет, я не прыгну. Я что, дурак, прыгать с такой высоты?». Тогда я тоже надел парашют и прыгнул. Без раздумья.

Но в отделе образования я продержался недолго. В 1937 году, в год широкомасштабных репрессий пострадал и актив Петропавловки, в том числе и я.

В газете «Зирка», совершенно для меня неожиданно, появилась публикация с таким заголовком: «До конца очистить школы от националистического «охвистя». Я был главным фигурантом этого опуса. Меня обвинили в «петлюровщине», хотя при Петлюре мне было 6 лет. Просто я дружил с директором школы, который был меня намного старше по возрасту, а он имел какое-то отношение к петлюровцам.

Меня немедленно исключили из комсомола и сняли с работы. Четыре месяца я жил в состоянии полного бойкота. Со мной никто из моих знакомых не здоровался и никто не разговаривал. И только мои верные друзья — учителя Вузький, Лантух, Невеселый ночью приносили мне еду. Это был хлеб и кусок сала — харчи, чтобы я мог как-то прокормить семью (к тому времени я уже был женат). Я это все выдержал.

Через некоторое время появилась другая газетная публикация, которая меня уже реабилитировала в полной мере. Меня вызвали в райком партии и предложили подать заявление, чтобы восстановить в комсомоле. Я категорически отказался от этого предложения, заявив: «Вы меня убрали с комсомола, теперь решайте сами, что со мной делать, я не просился обратно».

Потом меня все же вернули в комсомол, а через полгода приняли кандидатом в члены партии.

ЦЕННАЯ МЕДАЛЬ

А еще через год я был награжден первой правительственной наградой — медалью «За трудовую доблесть». Эта серебряная медаль мне очень дорога, она имеет номер — 3021.

Такая медаль в те времена имела большую ценность, чем самый высокий орден. Как обладателю этой награды, мне было положено получать 10 рублей в месяц по чековой книжке (пожизненно), бесплатно ездить во всех видах городского транспорта, а также я мог попасть в любое учреждение вне очереди.

Свою медаль я получил из рук Михаила Ивановича Калинина. Интересно, что когда нас пропускали в Кремль через Спасские ворота, только один раз проверили документы. Попав в Кремль, мы могли ходить по его территории сколько угодно. Без каких-либо пропусков мы зашли и в зал заседаний Верховного Совета.

А сейчас, когда меня пригласил Президент Ющенко получить орден «Богдана Хмельницкого», проверку пришлось проходить многократно. Сначала меня проверили при входе в наш «белый дом», потом возле гардероба и еще перед заходом в зал. Каждый раз требовалось предъявить документы и ответить на вопрос: «Есть ли оружие». Мне надоело отвечать, и я на последнем этапе проверки на вопрос о наличии оружия, ответил: «Да, есть». «Придется сдать», — строго сказал проверяющий. — «Не могу, — ответил я, — оно у меня дома».

А тогда, в Кремле, когда Калинин лично вручал награды в зале заседаний, нас предупредили: «Не давите сильно руку Михаилу Ивановичу». В тот день ордена и медали получали сельские учителя Украины и Грузии. А Калинин был уже человеком пожилым, и ему было тяжело выдержать темпераментные рукопожатия лучших сынов страны.

СПАСЛА ВОЙНА

В 1938 году я поступил в Осипенковский учительский институт на географический факультет. Просто обожал этот предмет. Теперь город, в котором я учился, называется Бердянск.

В это же время я уже заведовал Петропавловским отделом народного образования, и с этой должности был направлен на руководящую работу во Львов.

В октябре 39-го года меня назначили заведующим Шевченковским районным отделом народного образования Львова. А в 40-ом году были выборы в местные советы и я был избран депутатом Шевченковского райсовета и депутатом Львовского горсовета.

Буквально через месяц меня пригласили в Областной комитет партии и назначили на довольно высокую по тем временам должность — заведующим городским отделом народного образования. Тогда мне было всего 25 лет.

В то время во Львове было около 120 общеобразовательных школ. Из них 90 — польскоязычных, 14 — еврейских и только 3 — украинских. Мы же всегда считали Львов древним украинским городом! И я начал преобразовывать польские школы в украинские. Часто по своей молодости я это делал непродуманно, но решительно и категорично. Мы приглашали на собрание родителей и принимали решение. К исходу 40-го года во Львове было уже 70 украинских школ.

Но такая активность «вылезла мне боком». Ванда Василевская обратилась с грозным письмом к самому Сталину, в котором выразила свое негодование по поводу закрытия польских школ. Сталин подчеркнуто уважительно относился к Василевской, поэтому незамедлительно создал специальную комиссию по расследованию этого «перекоса».

До начала войны оставалось немногим больше месяца, когда во Львов нагрянула комиссия. Секретарем по идеологии Областного комитета партии был в то время некий Приходько. Симпатичный человек, но трусливый и не принципиальный. Перед комиссией он отказался подтвердить, что украинизация школ проводилась с ведома Обкома. И все повесили на Березняка. Надо мной нависла колоссальная угроза. Как ни странно, но от расправы меня спасла война.

ВОЙНА

Во вражеском тылу в общей сложности я провел два с половиной года. Если перевести на дни — это больше 1000 дней. Каждый из них мог бы оказаться последним.

НАКАНУНЕ

21 июня 41-го года в гимназии № 20 города Львова проходил вечер отличников-учителей. Вечер был помпезный с богатым фуршетом и ценными подарками. Лучшие учителя города получали денежные премии, путевки в дома отдыха, отрезки на костюмы. Мероприятие затянулось до трех часов ночи. А в четыре утра уже началась война.

Когда я пришел домой, через 10 минут раздался телефонный звонок. Мне нужно было немедленно явиться в горисполком. За мной прислали машину, и я ехал по городу, который уже бомбили немцы. Первая бомба упала на перекрестке улицы Коперника, недалеко от центрального телеграфа. Были жертвы уже в первый час войны.

В горсовете нам выдали оружие. Был укомплектован так называемый «истребительный отряд», в который попал и я. В 8–9 утра под бомбежкой мы отправились в пригород Львова - Винники для ликвидации немецкого десанта. Но, как оказалось, наша воинская часть уже окружила десантников и уничтожила. С этого момента для меня началась война.

Я был старшим лейтенантом и имел бронь (не призывался в армию). Мне необходимо было вернуться в Днепропетровск, на свою родину. С большими трудностями мне удалось эвакуировать семью — жену и пятилетнюю дочь Валентину.

БЕЙ ЖИДОВ И КОМИССАРОВ

Когда добрался в Днепропетровск, от партийных органов получил предложение оставаться во вражеском тылу, в подполье. Задача была единственной — информировать население о положении на фронтах. Специальной подготовки у нас никакой не было, и времени для этого тоже не оставалось.

Я был легализован в Петропавловский район Днепропетровской области и за месяц до прихода немцев получил должность — заведующего начальной школой села Николаевка колхоза Карла Маркса. Секретарь райкома партии привез мне центнер газетной бумаги, пишущую машинку «Ленинград» с широкой кареткой, примитивный множительный аппарат и пистолет «Наган». Все это было моим имуществом для выполнения боевого задания — слушать радио, печатать листовки и вести просветительскую работу среди населения.

Поселился я в доме председателя колхоза Калюжного, который на второй день войны был мобилизован в армию. А в соседнем селе Веселом жили мои хорошие знакомые — Саливон, Степаненко, Демиденко, Путий, на поддержку которых я рассчитывал. Я решил проведать это село еще до прихода вражеских войск.

Оказалось, что там находились еще наши войска — заградительный отряд. Меня остановил красноармеец и, сдабривая речь матерщиной, стал допытываться, куда я иду. А у меня при себе было две листовки (для прохода в тыл к немцам) с таким текстом: «Бей жидов и комиссаров». Далее следовало приглашение перейти на немецкую сторону, захватив с собой пару чистого белья и столовые принадлежности для питания. Короче говоря, я «попал».

Меня провели в дом, где сидел старший. Он прочитал листовки и сказал красноармейцу, который меня доставил: «Зачем ты сюда привел эту сволочь, мог бы рассчитаться с ним за домом». Я понял, что дело «запахло керосином», но я не имел никакого права сказать правду этому человеку. У меня кроме листовок не было никаких документов, подтверждающих мою личность. И лейтенант имел полное право считать меня перебежчиком, что он и сделал. «Уведи его за сарай и шлепни», — распорядился он.

У меня не оставалось никакого шанса, и я понял что могу не приступить к выполнению задания в подполье. Тогда я потребовал, чтобы солдат вышел из комнаты, и я рассказал офицеру, с какой целью я был оставлен в тылу врага. Не знаю почему, но он мне поверил и отпустил на свободу. А спустя несколько часов, этот офицер и последние солдаты нашей армии ушли из села.

ДВА ПРИЯТЕЛЯ

В начале 42-го года, на Рождество, в руки немцев попали секретарь сельсовета Малеев, директор местной школы Козаченко

и председатель колхоза Мороз. Все они были оставлены в подполье, в партизанском отряде. 2 января немцы их расстреляли.

Мне нужно было немедленно уходить с моей нелегальной квартиры. Мороз стоял сорок градусов. А одежда у меня была — ватные брюки, бурки (валенки с калошами) и заячья шапка. Надев все это, я ушел в степь.

На хуторе Солнцева жил мой приятель, Перекрестов, который заведовал начальной школой. Он остался в тылу, так как в армию его не взяли по состоянию здоровья. Я считал его порядочным человеком.

Поздно вечером, в темноте, я с трудом добрался по морозу к его домику и постучал. Он перепуганный открыл дверь и вышел в коридор. На мою просьбу пустить меня переночевать, он замахал руками и сказал: «Я не хочу рисковать своей семьей. Откуда Вы пришли, туда и возвращайтесь», — и захлопнул за мной двери. Я его просил, чтобы он мне разрешил переночевать хотя бы в коровнике. Но тоже получил отказ.

Я ушел в степь. Нашел заброшенный комбайн, и чтобы спрятаться от пронизывающего ветра, залез в его барабан. А через некоторое время я почувствовал, что я замерзаю. Через силу выкатился на снег, сначала встал на четвереньки, потом уже на ноги и пешком прошел 4 км до соседнего Шевченковского хутора.

Там жил Александр Иванович Феденко, тоже мой приятель, учитель начальной школы, приятнейший человек. Я рискнул попроситься к нему на ночлег, и он меня приютил. Он был голодный — кроме мелкого картофеля и непонятной муки у него ничего не было, но я прожил у него целую неделю.

Вот так в беде познавались приятели.

СТАКАН ТАБАКА

От Феденко я решил вернуться на свой хутор. Узнал, что там спокойно и двинулся в путь. Но по дороге пришлось зайти в другой хутор — раздобыть курева.

Во время войны я очень много курил, мог выкурить 1–2 пачки папирос в день, если они были. Но курили мы в основном кременчугскую махорку. И вот у меня не осталось ни единого грамма табака. Я был голоден, но еще сильнее хотелось курить.

На хуторе я обратился к одной хозяйке дома, но она сказала, что такого «добра» не держит, посоветовала подойти к соседям. Я зашел к ним и попросил табака хотя бы на одну папиросу. Но женщина ответила, что у нее есть табак, но где это видано, чтобы

в такое трудное время табак раздавали просто так. «Я только меняю», — подытожила она нашу беседу и показала мне на дверь, намекая, чтобы я убирался.

А у меня желание закурить было просто непреодолимое. Тогда я демонстративно снял куртку, положил ее на лавку, снял верхнюю рубашку и отдал ей, предложив обменять ее стакан табака. Она взяла рубашку и стала деловито рассматривать ее на свет — нет ли там дырок. Затем аккуратно сложила ее и насыпала мне маленький стаканчик табака. Я надел куртку на нижнее белье, закурил, и ушел из этого дома.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПОЛИЦИЯ

Когда я вернулся в свое село, мои Веселовские друзья посоветовали мне оставаться в Веселом, что я и сделал.

Меня устроили на железную дорогу ремонтным рабочим на отрезке дороги Чаплино-Межевая. Бригада, в которой я работал, была объектом моей подпольной деятельности, особенно бригадир Ваня Волк, который мне помогал.

Но через несколько дней меня разыскала Межевская полиция и забрала как подозрительную личность для проверки. Посадили меня в подвал, в котором бегали крысы, с ними я и переночевал в полиции. А утром состоялось мое свидание с ее начальником. Я помню его как сейчас, развалистый такой мужик, который серию вопросов в мой адрес завершил словами: «Вы же знаете, что наша власть не такая простая, с ней нужно считаться».

Готовясь к работе в тылу, я предусмотрительно спрятал во внутренний карман статью в газете «Зирка», в которой меня называли националистическим «охвистям» и призывали очистить школы от таких, как я. Когда я показал ее пану начальнику, его лицо посветлело, и даже появилась улыбка. «Так Вы наш человек! — обрадовался он. — Извините, что с Вами так некорректно поступили». И тут же предложил мне должность секретаря полиции.

Я понимал, что шутить с этим нечего. Три дня думал, что делать дальше. Один вариант был — легализоваться в полиции и работать на наше подполье. Но я отбросил его и принял решение — уходить.

САМОГОН

Это была не первая моя встреча с полицией. Впервые они нагрянули ко мне на конспиративную квартиру в Петропавловке.

Я как раз был дома. Сначала они проверили документы, а потом начали обыск. Забрали сапоги отца, сало, а затем полезли на чердак. А там было спрятано под стрехой все мое «имущество». Я уж было подумал, что все пропало, когда на мое счастье на пути полицаев попала трехлитровая сулея самогона.

Они так обрадовались, что стащили выпивку с горища и незамедлительно начали пировать. Самогон пили стаканами, закусывали салом, и вскоре дошли до «нужной кондиции». Я понял, что они уже не владеют собой, набросил на себя свытыну, шапку и тихо ушел.

Ушел в степь. По снегу и морозу. Никто меня, конечно, не преследовал. Я нашел заброшенный курятник и там остался на ночлег.

СПАСИТЕЛЬНИЦА МУСЯ

После второй встречи с полицией, когда вопрос стал ребром, я ушел в Днепропетровск. С Межевой шел пешком (это примерно 140 км).

Устроили меня в семье Редькиных. Глава этой семьи был машинистом железной дороги, он ушел на фронт. Оставалась его супруга и три дочери — Мара, Зина и Нона (сейчас живет и здравствует). У них была коза, которую пасла Нона, и Редькины девочки все время пытались меня научить пить козьё молоко. Но им это так и не удалось.

Днепропетровское нелегальное подполье помогло мне устроиться в немецкую Фирму «Украинель». Я был сначала назначен грузчиком, а потом немец, начальник фирмы Мюллер, узнал, что я учитель по специальности и предложил мне должность счетовода фирмы. Я принял это предложение. В фирме я познакомился с Мусей Блудовой, очень симпатичной женщиной, которая работала секретаршей, а также с Сашей — водителем шефа.

Заместителем начальника этой фирмы был Роммель. С его секретаршей, которая немного знала русский, я тоже завел контакты. Немцы ко мне хорошо относились, даже ставили другим в пример и выдавали продуктовый паек. Самым ценным его содержимым для меня была ливерная колбаса.

Муся Блудова стала моей машинисткой и печатала листовки. Она регулярно слушала сводки Совинформбюро, стенографировала их, и хоть редко, но нам удавалось на их основе выпустить листовки. Одна из них была посвящена Сталинградской битве.

Однажды мы с Мусей вышли из конторы, и пошли вниз по проспекту Карла Марка (при немцах его переименовали в улицу

Широкою). Был сильней гололед. На наших глазах немецкий офицер со всего размаху шлепнулся на задницу. Я не удержался и захохотал. Тогда офицер поднялся и ударил меня по лицу, потом повалил на лед и стал бить ногами почем зря. В моем боковом кармане был дамский пистолет-мухобойка шестимиллиметрового калибра. И я по своей горячности полез за ним в карман. Но в этот момент Муся упала на меня сверху и не дала мне возможность вытащить оружие. Фактически она спасла мне жизнь, да и себе тоже.

С ЧЕГО НАЧАЛСЯ БЕРЕЗНЯК - РАЗВЕДЧИК

Был освобожден Днепропетровск. Я начал работать в областном комитете партии. Занимал высокую должность, имел квартиру и все условия для того, чтобы жить и работать, уже не воевать.

Но я не представлял себя вне войны и вне борьбы. Злодеяния гитлеровцев, которые я видел своими глазами, не давали мне покоя и не выходили из головы. Я нигде и никому об этом не говорил: ни на митингах, ни в частных разговорах, это было то, что в душе.

Когда работники разведки 3-го Украинского фронта узнали о моей работе в подполье, решили со мной познакомиться, а затем, после беседы, предложили ехать в Московскую школу разведчиков Генерального штаба, я без раздумий дал свое согласие. Уже потом об этом рассказал Первому секретарю обкома. И Георгий Гаврилович Дементьев мне сказал так: «Для тебя война закончилась и на фронт ты не пойдешь». А ему ответил, что все уже решил сам.

Разведчики еще при первой встрече обрисовали мне, что такое оперативная военная разведка. Они не скрывали, что берут только желающих и что, как правило, с заданий не возвращаются 70% из тех, из тех, кто их выполнял. Но эта информация не изменила мое решение.

Я приехал в Москву уже по командировке 3-го Украинского фронта. Школа разведчиков была строго законспирирована. Сначала у меня была явка на Воробьевых горах. На второй день ко мне подошел представитель школы и, убедившись, что я тот человек, кого он встречал, увез меня на дачу к Михаилу Ивановичу Калинину, которая располагалась в 25 км от Москвы в местечке Сходня. Там находилось отделение школы разведки, в котором обучалось 14 человек. Это были самые разнообразные люди. Никто из них не знал моего настоящего имени и кто я такой. В свою очередь и мне ничего абсолютно не было известно

о моих соучениках, разве что потом выяснилось, кто откуда приехал.

В нашем отделении учились даже два белогвардейских офицера. Они оба были уже в годах, лет так за пятьдесят. Их тоже готовили в агентурную разведку, и они считались ценными кадрами, потому, что с их белогвардейским статусом им даже проще было легализоваться.

С теми, кто учился в этой особой школе, я больше никогда в жизни не встречался. Уже после войны мне стало известно, что все они погибли, выполняя задание.

В книге «Империя ГРУ» навечно записаны имена тысячи военных разведчиков, но мало кто из них остался в живых после войны. К большому сожалению, значительная часть из них расстреляна органами госбезопасности. Людей, которые выполнили свое задание, но в их работе были некоторые шероховатости или хотя бы намек на то, что они могли быть завербованы иностранной разведкой, наши же пускали в расход. Следует признать, что наши контрразведчики и сотрудники «Смерш» очень ревностно относились к военным разведчикам.

Предметы, которые мы изучали в школе разведчиков были самые разнообразные. Главный из них — изучение вражеской армии. После окончания школы я знал немецкую армию лучше, чем советскую. Еще нас учили, как легализоваться, использовать легенды, пользоваться дубками (передать информацию через специальные тайники) и многим другим премудростям. Большое внимание уделялось также парашютному спорту, ходьбе на лыжах и хождению по азимуту.

СТЕПАНОВИЧ

Школу я закончил с отличием, потому, что сумел блестяще легализоваться по фальшивым документам в Москве во время войны. Такую задачу в качестве практики мне поставили в школе.

А выполнил я ее просто. Ехал в электричке со Сходни в Москву и познакомился с одной дивчиной. Она мне рассказала, что работает на московской табачной фабрике «Дукат». Я воспользовался этим знакомством, и по поддельным документам, согласно которым я якобы выписался из военного госпиталя, устроился на эту же фабрику работать.

Документы мне помог сделать мой приятель из Одессы Олег (имя вымышленное). Он здорово вырезал любые печати из ре-

зины. Олег, к сожалению, погиб при десантировании. Об этом я узнал потом в Разведуправлении.

На фабрике я добросовестно проработал две недели. За это время я успел добыть все необходимые документы о предприятии: какими партиями и на какой фронт отправляются табачные изделия. Эти данные интересовали разведку и были полезными.

В школе я проучился пол года (январь 1944 — начало июля 1944-го). И в июле был уже откомандирован в штаб 3-го Украинского фронта и назначен руководителем разведывательной группы оперативной военной разведки. Вот с этого времени я мог уже считаться настоящим разведчиком.

В Штабе мне представили моего заместителя — Алешу Шаповалова (по кличке «Гроза»). Он мне понравился. Общительный, с чувством юмора и не болтун. А потом я познакомился и со своей радисткой — Асей Жуковой (по кличке «Груша»).

Мне были известны не только их клички, но и вся их родословная. А они обо мне ничего не знали. Ася называла меня дядя Вася, хотя я был ее не на много старше, а Алеша называл меня Василий Степанович.

Вообще за все время моего пребывания в разведке я ни разу не менял своего отчества. Имена были разные, но я всегда оставался Степановичем, не хотел менять имя своего отца.

В ТЫЛУ

В ночь с 18 на 19 августа 1944 года наша группа разведчиков была заброшена в район Кракова, во вражеский тыл.

С этой фразы множество раз начинал свой рассказ о том, как наша группа 156 дней действовала во вражеском тылу.

Мы должны были вести систематическое наблюдение за воинскими перевозками через Краковский узел железных и шоссейных дорог. Нас интересовал гарнизон Кракова, дислокация немецких частей и подразделений. У нас также было задание разведать и проверить укрепление на Висле и в районе Кракова. Разведка плана заминирования этого города изначально не было нашей задачей, потому, что никто не предполагал, что немцы это сделают.

Первое сообщение о том, что гитлеровцы собираются взорвать Краков, мы получили от польского подполья, а именно от Юзефа Присака. Он был сторожем на частных усадьбах в пригородах Кракова. Юзеф пригласил к себе в гости немцев, которые рыли траншею по направлению к городу и угостил их самогоном. Под-

выпив, они разболтали, что готовится взрыв Кракова, и стали изображать, как это будет выглядеть.

Так возникла догадка: чтобы взорвать город немцы прокладывают кабель. Догадку подтвердила наша связная Валентина Зайонц. Рассказывая об этом, она от волнения чуть не потеряла сознание — настолько любила свой родной город. Валентина сообщила, что немцы днем и ночью завозят огромное количество взрывчатки. Это было за месяц до освобождения Кракова.

Потом, когда мы пленили инженера краковского укрепрайона Курта Пеккеля, он подтвердил наши догадки. Их подтвердил и Гартман. Он сделал чертеж заминирования Кракова, который мы направили через линию фронта командованию.

В связи с этим были сделаны корректировки маршрута первых частей армии Конева, наши войска прорвались туда, где был установлен рубильник, и саперы обезвредили его. Краков был спасен.

КРАКОВ

Этот город я изучал по материалам, которые мне предоставляли разведчики, готовившие меня для выполнения задания. Я знал Краков, как свои пять пальцев еще до того, как туда попал. В сам город мы не десантировались, и побывали в нем уже после его освобождения.

Я оказался в Кракове раньше всех, когда, после неудачного приземления меня нашли полицаи, задремавшего в лесу. Первым учреждением, которое я посетил в этом прекрасном городе, была тюрьма «Монтелюпиха».

Когда мне в гестапо предъявили план Кракова и, пытаясь запутать, показали на карте рынок Тандета, как главный рынок города, я сказал следователю, что он ошибся. Тот согласился и ответил, что, наверное, когда я летел к ним, то серьезно изучал Краков. Он был прав.

Я знал Краков, как древнюю столицу Польши. Это была резиденция польских королей XI–XII века. В этом городе я знал шедевры градостроения этого времени, но только после войны я имел возможность ощутить их красоту.

Я побывал в Сукеницах, в «Доме под баранами» и других исторических местах. В Краковском университете, который стал потом называется Ягелонским, учился Коперник, а потом преподавал в нем. Там и сейчас находится глобус и другие вещи, которыми он пользовался.

Во время войны, Краков ожидала та же участь, что и Варшаву. Буквально через неделю гитлеровцы взяли на учет всю варшавскую элиту. Потом их планомерно, каждую ночь, вывозили за пределы города, расстреливали и закапывали.

Такая акция была подготовлена немцами и в Кракове. Но польское подполье не позволило ей осуществиться. Они сообщили в Международный Красный Крест и другим общественным организациям о том, что гитлеровцы готовятся повторить варшавскую операцию в Кракове. Гитлеровцы вынуждены были остановить ее проведение.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

12 января 1945 года в 7 часов по московскому времени мой заместитель Алеша Шаповалов, старший лейтенант Советской армии зашел в служебный кабинет немецкой абверкоманды 115. Ее руководитель Гартман Курт Юрьевич поднялся из-за своего рабочего стола и объявил Алеше о том, что час тому (в 6 утра) началось большое наступление войск маршала Конева в направлении Кракова.

— Через несколько дней, — сказал он Алексею, — ваши танки будут на улицах Кракова.

К этому времени Алеша Шаповалов был легализован с разрешения командования фронтом в абверкоманде 315 и работал у Гартмана осведомителем. А Гартман в свою очередь работал осведомителем нашей разведки под кличкой Правдивый.

Это фантастика. Но все это было на самом деле.

При помощи Гартмана мы разоблачили полностью все дивизии гитлеровской 17-й армии. Мы знали состав дивизий, расположение штабов и много других точных сведений.

Гартман помог нам полностью расшифровать немецкий гарнизон в Кракове. Все батальоны, входящие в гарнизон были нанесены на нашу карту. Мы знали их состав, адреса, места расположения штабов. Мы также уточнили расположение пункта, с которого можно было взорвать Краков.

У нас были точные данные относительно 20-й немецкой танковой дивизии, которая была передислоцирована со Словакии и расположилась на окраине Кракова.

А 13 января, на второй день после того, как Алеша узнал, что наши скоро будут в Кракове, я получил приказ командования фронтом вместе с немцами отходить на запад.

Мы же были уже настроены на то, что через несколько дней уже не будем во вражеском тылу, а будем среди своих. Но так не получилось, начальство было безжалостным.

Перед нами стояла задача: передислоцироваться в горную Силезию и там легализоваться и продолжать выполнять боевое задание. Я должен был подчиниться.

Началось большое отступление немцев, а мы передвигались параллельно с ними. Немцы шли по шоссе на дорогах, мы же - по их обочинам на расстоянии 1–2 километров. Это передвижение было исключительно сложным.

Двигаясь на запад, мы остановились на хуторе Биньковка и поселились в одной «хатыне», которая располагалась в лесу. Утром хлопцы получили от меня задание — вести наблюдение за передвижением немецких войск. В доме остались две радистки, Саша Гатаулин, наш повар и я.

Когда я вышел из дома и сделал несколько шагов, на расстоянии 100 метров появилась группа вооруженных гитлеровцев. Я нацелил на немцев свой автомат и не своим, надрывным голосом крикнул: «Хальт! Хендехох!». От неожиданности они просто замерли на месте с поднятыми руками.

Сашка выбежал из дома с автоматом, выскочили перепуганные девчата. Я приказал забрать у немцев оружие. Их было 9 человек артиллеристов с автоматами и оптическими приборами плюс еще радист из штаба 59-го военного корпуса.

Этот день мог стать последним. Не только для меня, но и моих боевых товарищей, всей нашей группы. Но он оказался последним днем нашего пребывания во вражеском тылу. Мы перешли линию фронта, а немцев сдали в Мислинице в лагерь для военнопленных. Оттуда на «студебеккере» я переправился в Краков.

СУДЬБА ГАРТМАНА

Для того, чтобы Гартман мог перейти линию фронта, я дал ему пароль. Но наши разведчики ему не поверили, и некоторое время был в нашем плену.

Но потом, когда все же выяснили, кем он был на самом деле, его взяли уже в нашу разведку, и он при советской власти работал резидентом в Турции в Стамбуле. Гартман был легализован в американской фирме. Когда же американцы узнали, что он знает русский язык, они пытались завербовать его в свою разведку. Гартман испугался этой вербовки, доложил своему резиденту, который находился в Швейцарии, и его отозвали.

В Стамбуле он женился на армянке, и уже вместе с женой его поселили в Ереване, дали квартиру и пенсию.

У меня от Гартмана сохранилось множество писем. Но однажды случайно встретился с ним лично. Был я в служебной командировке, в Ереване. Приехал на совещание по просветительским вопросам. Центральный комитет партии Армении попросил меня выступить со своими воспоминаниями о войне на телевидении.

После этого выступления я в гостинице получил такую записку: «Уважаемый Евгений Степанович! Позвоните мне по телефону». Дальше значился номер. Я не знал, тот ли это Гартман, и с волнением набрал номер. В ответ услышал его голос.

Через час Гартман уже сидел в моем номере со своей супругой. Он рассказал о своей дальнейшей судьбе, которая сложилась после войны. Были, конечно, слезы.

Оказалось, что когда его уже сняли с должности советские разведчики, он привез с собой из Стамбула 20 тысяч долларов. Наши органы КГБ деньги у него забрали, дав ему взамен пару тысяч рублей компенсации.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Я хорошо помню этот день. Он был солнечный и очень теплый — градусов 25. Я в этот день находился в Дрездене. Все были на таком подъеме, радовались Победе, стреляли из пистолетов до последнего патрона.

Потом решили пойти на окраину города, чтобы окунуться в озере. Я познакомился с одним майором, тоже руководителем десантной группы. Но ни имени, ни фамилии его я не знал. Он примкнул к нашей компании желающих искупаться.

Этот парень нырнул первым, и... взорвалась мина.

Страшно. Нелепо. Невыносимо. Пережить всю войну, дождаться Победы и вот так погибнуть...

НАДЗОР

В августе 1945 года нас выпустили из лагеря НКВД № 174 города Подольска, где мы проходили государственную проверку. Помогли нам выйти наши разведчики из Главупра.

В начале второй половины августа мы вернулись в Львов. А в сентябре Ольга, моя радистка, родила сына, которого мы назвали Василий. Это было мое имя — разведчика Березняка. В разведгруппе мама Василия была Ольгой, а ее настоящее имя — Елизавета.

Евгений Березняк, 1946 г.

Василий мне очень дорог, он живет и здравствует во Львове со своей семьей, имеет уже внуков. В 1954 году мы расстались с Ольгой. Я уехал в Киев, в Министерство образования, а она осталась работать на железной дороге во Львове.

По возвращении из лагеря я был сразу взят на учет органами госбезопасности, и с этих пор началась скрупулезная слежка за каждым шагом моей деятельности. Впервые я это ощутил во Львове. Мой сосед, который жил напротив и заходил ко мне в гости, однажды, «потянув» лишнюю рюмку, спросил: «А кто у тебя был в доме за прошлую неделю?». На что я ему, шутя, ответил: «А какое твое дело?». И тут он признался: «Ты, - говорит, - мне рассказывай, кто у тебя бывает, а то мне нужно каждый месяц на тебя доносить».

Когда я позже стал работать в Министерстве образования, мне не разрешали заграничные выезды вообще, и даже было запрещено бывать в погранрайонах.

Только в 1962 году я впервые почувствовал, что освободился от надзора и слежки, а в 1965 году мне разрешили выехать в ГДР в служебную командировку.

ЗДРАВСТВУЙ, МАЙОР ВИХРЬ!

Когда я вернулся во Львов, мое начальство по линии партийных органов, по линии просвещения не знало и не могло знать, что я выполнял особо важные боевые задания по линии военной разведки во вражеском тылу.

В своих анкетах, поступая на работу, я писал всегда в графе «служба в армии», что служил на 1-м Украинском фронте с указанием номера воинской части.

Мой отец жил после окончания Великой Отечественной еще 10 лет, и он тоже не знал, что я служил в разведке. Не знала моя семья, не знали и сотрудники.

Из-за своей вымышленной легенды я много потерял. Когда подводили итоги работы Днепропетровского подполья и раздавали награды, никто не мог понять, куда девался Березняк во время войны, работая в областном комитете партии. Ходили даже слухи, что я подался к немцам и стал предателем. По этой причине за свою работу в подполье, я не получил ни единой награды и по сей день.

Когда впервые в 1967 году появился фильм «Майор Вихрь» о деятельности военных разведчиков, меня, капитана Березняка, назвали в нем майором Вихрем.

Позже в России вышла моя книга о тех же событиях под названием «Операция Голос». А в Киеве она издавалась 4 раза — два раза на украинском и два раза на польском. Потом она вышла в Польше, Болгарии, Узбекистане.

Рассказывая о своем участии в военной разведке, я ограничился небольшими отрывками и памятными эпизодами. Все остальное можно прочитать в этих изданиях.

ПОЛЬСКИЕ ПОБРАТИМЫ

Если говорить о выполнении задания нашей разведгруппой, хотел бы особо подчеркнуть: без польских товарищей мы бы не смогли его выполнить вообще. Именно поляки организовывали нам явки, квартиры, помогали с питанием, оказывали практическую помощь в добыче нужной информации.

За оказанную нам помощь шестеро из них награждены орденами «Великой Отечественной войны». Эту награду посмертно получил хозяин нашей квартиры, Михал Врубель, который находился в Освенциме и был расстрелян немцами буквально за несколько дней до победы. Посмертно также награжден наш осведомитель Юзеф Присак, который добывал для нас ценные сведения об укреплениях на Висле и в Кракове. Эти награды получила и семья Зайонцев и наш связной и осведомитель Станислав Очкость.

В Польше во время войны меня знали, как капитана Михайлова. И сейчас мои польские побратимы называют меня этим именем. Извиняются, но говорят, что так привыкли.

Как ни странно, но поляки первыми узнали мое настоящее имя через 20 лет после окончания войны. И первую награду за выполнение боевого задания в Кракове я получил не от нашего государства, а от польского Правительства. В 1964 году я был награжден орденом «Виртути Милитари» — самым высоким военным орденом.

А уже в 1965 году я был впервые награжден орденом «Великой Отечественной войны» I степени Правительством Советского Союза.

Когда же в 1962 году я получил свое первое приглашение посетить Польшу после войны, меня не пустили. В отделе зарубежных связей Центрального Комитета партии мне сказали, что сейчас в Кракове неблагоприятная обстановка, чтобы туда ехать. На что я ответил: «А что в то время, когда в августе 44-го меня десантировали в район Кракова, где орудовало гестапо, Абвер

и тысячи их агентов, была более благоприятная обстановка?». Вразумительного ответа, естественно, я не получил.

В Польшу я все-таки поехал, но позже. Запомнилась мне поездка в связи с 30-летием освобождения Кракова в 1975 году. К нам в то время относились очень хорошо. Я был со своей группой в составе делегации города Киева, которую возглавлял Первый секретарь обкома партии. Во время торжественной встречи ему первому дали слово, и в зале раздали жиденькие аплодисменты.

С Алексеем Шаповаловым (слева) и Юзефом Зайонцем в Кракове, 1970 г.

С командиром батальона Армии Крайовой

Герардом Возницей в г. Закопане Краковского воеводства, 1969 г.

Когда же объявили, что в зале находятся советские разведчики, спасавшие Краков, зал просто ухнул аплодисментами.

Наша популярность в эти дни была настолько велика, что даже витрины магазинов пестрили портретами участников нашей группы, по телевидению крутили ролики о нашем пребывании в Кракове, и даже на улицах нас начали узнавать жители города.

Один раз меня тоже узнали цветочницы на главном Краковском рынке и, собрав со всех по цветку, подарили мне огромный букет. Такой, который возлагают каждый год к памятнику Мицкевичу в день его рождения. Конечно, я был растроган...

Приятно поразила меня тогда и встреча со студентами Ягеллонского университета. Вначале я выступал с переводчицей, а через пять минут моего выступления в зале стали кричать: «Уберите переводчицу!». Оказалось, что все студенты владели русским языком.

Я выступал перед рабочими завода «Нова Гута», который построили мои соотечественники, перед личным составом Приморской Десантной польской дивизии.

Припоминается мне посещение одного хозяина явки, который жил на окраине Кракова и у которого размещалась наша

С дочерьми Михала Врубеля Рузей (слева с дочкой) и Стефой, в доме которых находилась радиостанция группы, 1969 г.

конспиративная квартира. Во время войны при дальних переходах мы останавливались у него хоть на несколько часов передохнуть. Это была бедная, пребедная семья. В ней было шестеро детей, и когда хозяин дома пытался угостить нас чашечкой «кавы» с сухарем, мы отказывались — совестно было отрывать это от детей.

Спустя столько лет на месте бедной халупы мы увидели прекрасный особняк с садом и пасекой. В нашу честь был накрыт праздничный стол. Во время застолья руководитель польского отряда, который был с нами, спросил у хозяина: «Янек, откуда у тебя столько денег, что ты роскошно живешь? Наверное, ворует?» (этот человек работал на мебельной фабрике). «Нет, — ответил тот, — я не ворую, я просто «спрытный и отважный». Мне слова его очень понравились, и я запомнил их навсегда.

ОККУПАНТЫ

Когда власть в Польше поменялась, и Валенса стал Президентом, нас уже так не принимали. На празднование 50-летия освобождения Кракова нашу разведывательную группу государ-

Возле дома Михала Врубеля. Крайний справа — Станислав Малек, хозяин первой явки в селе Рыбна, куда Евгений Березняк прибыл после побега из гестапо

С командиром партизанского отряда Тадеушем Григорчиком
в Кракове, 1975 г.

ственные власти Польши не пригласили. Зато общественные организации — Совет польских офицеров, Совет польских партизан и другие прислали нам свои приглашения на этот праздник. И мы с женой поехали в Польшу. Советского Союза уже не было, а Украинского Консульства в Польше еще не было, поэтому нас принимало Консульство России.

За день до торжества я зашел к консулу России в его рабочий кабинет. У него на столе лежала газета «Голос Кракова». Польский язык я немного знаю, читаю без переводчика, и я быстро пробежал глазами статью на первой странице, в которой было предупреждение: кто придет 18 января к памятнику благодарности Красной Армии, тот, значит, будет чувствовать оккупантов своей страны и тем самым вычеркнет себя из списков поляков.

Я знал эту ситуацию и отнесся к тому, что прочитал спокойно.

На следующий день проводилась большая конференция, посвященная 50-летию освобождения Кракова. Перед ее началом ко мне подошел Юзеф Скомский, который помогал нашей группе в выполнении задания во время войны. Тогда он был студентом,

сыном помещика. И без согласования с отцом длительное время снабжал нас продуктами питания. А во время провала нашей радиостанции, он добыл мне костюм и вывел меня с опасной территории.

Теперь он был уже доктором наук, заведовал кафедрой государственного университета. Он увидел в моих руках газету со статьей, которую я специально захватил с собой, и сказал: «Евгений, не обращай внимания. К сожалению, у нас еще есть люди такого сорта, которые пишут то, что ты читал. И они могут быть и в зале», — предупредил он меня.

На конференции я прослушал три доклада, в которых достоверно были изложены факты об освобождении Кракова. Потом слово предоставили мне. Я начал с того, что прочитал из газеты всю статью от начала до конца и сказал, что знаю — в зале есть люди, которые могут подписаться под этими словами. После этого я обратился к аудитории зала:

— Господа, почему вы нас называете оккупантами? — спокойным голосом начал я. — Почему вы меня называете оккупантом? Почему вы называете оккупантом мою радистку Анку, которой не было в то время 18 лет? Когда мы десантировались в район Кракова, мы знали, что 70% людей, таких как мы, погибают, но мы согласились все равно лететь к вам и помочь освободиться от немецких фашистов. Почему вы называете оккупантами 1800 советских солдат и офицеров, которые лежат в краковской земле, которые погибли за освобождение вашего города? А вы знаете, что если бы не армия маршала Конева, не группа наших разведчиков, не было бы университета, в котором сейчас проходит эта конференция, не было бы вашего знаменитого Марьякского костела, резиденции королей, если бы не эти «оккупанты...».

После этих слов наступило гробовое молчание, а потом был взрыв аплодисментов, зал стоя аплодировал мне.

— Спасибо вам, — сказал я в заключении, — за вашу порядочность и понимание, а также за то, что помогли нам выполнить наше задание. А негодяи есть и в нашей стране, — добавил я.

ПОВСТАНЧЕСКАЯ АРМИЯ

Только закончилась Великая Отечественная война, когда, так называемая Повстанческая армия, развернула войну против своего народа. Это были 47—49 гг.

В это время убивали людей, которые приехали с востока помогать западу поднимать сельское хозяйство, просвещение, медицину.

Я в это время заведовал Львовским городским отделом народного образования. Тогда, согласно существующим порядкам, мы трудились до одиннадцати-двенадцати часов ночи.

Однажды, когда я находился на своем рабочем месте в пол одиннадцатого вечера, раздался телефонный звонок. Это звонила моя соседка. Дрожащим, перепуганным, голосом она сказала: «Пане Эвгене, молю я Вас, не йдите сьогодні додому, бо на Вас чекають хлопці біля Вашої брами».

Это был приговор Львовской крайовой рады Повстанческой армии. Были назначены время, место и исполнители, чтобы приговор смерти привести в исполнение.

Предупреждение этой дивчины спасло мне жизнь. В тот день я остался ночевать в своем кабинете. Как потом мне стало известно, моя спасительница была связной Повстанческой армии. Она настолько с уважением относилась ко мне, что даже решила на предательство.

Когда меня сейчас спрашивают, что я думаю об этой Повстанческой армии, о Бандере, которому Президент Ющенко присвоил звание Героя Украины, что я могу сказать после всего этого?

Повстанческая армия никогда не воевала против фашисткой Германии, а вот с нами, советскими людьми, воевала.

ПЕДАГОГИКА

Разведчиком меня сделала война, но моя основная профессия — педагог. В общей сложности я был разведчиком чуть больше года, педагогом — более 80 лет.

В Украине раньше, чем во всем Советском Союзе была ликвидирована неграмотность. Это произошло в 1927 году. Помню, я учился в 6—7 классах и принимал участие в ликвидации неграмотности. Мне давали семью неграмотных людей, я приходил и учил их читать и писать. В то время на Украине даже издавалась газета «Геть неписьменність».

В 1930 году было принято решение о введении всеобщего начального образования. В других союзных республиках такое решение было принято на 1—2 года позже. Через два года было принято уже решение о введении семилетнего всеобщего образования в городах и поселках городского типа, а позже и других населенных пунктах. У нас впервые в Украине было введено всеобщее восьмилетнее образование, и в начале 70-х годов мы решили и эту проблему.

В начале 80-х было введено всеобщее среднее образование. Нам удалось решить этот вопрос не только с помощью школ, но и техникумов, ремесленных училищ и ФЗУ. Из числа детей, поступивших в первые классы, 95% получали среднее образование. Это было достижение всей Европы!

К концу 80-х Украина достигла таких успехов в развитии всеобщего среднего образования, что к нам стали приезжать за опытом коллеги из-за рубежа. Я хорошо помню, что в середине 80-х принимал делегацию из Японии, которая изучала наш опыт в этом направлении.

ЯБЛОНЯ

Мне припоминается такой случай. Когда я занимал уже высокую должность в системе образования, ко мне обратился бухгалтер колхоза и попросил разрешения сдать экстерном экзамены за среднюю школу в местной школе. Он был инвалид войны, а школа эта не имела таких прав. По закону он должен был сда-

вать экзамены в школе, расположенной в райцентре, но он этого сделать не мог.

Я, как исключение, разрешил ему сдать экзамены, как он просил, в местной школе. Он их успешно сдал. Бухгалтер был настолько рад этому, что под впечатлением произошедшего посадил в своем огороде яблоню в честь этого события в своей жизни.

Через десяток лет, когда яблоня уже подросла, мой «ученик» стал мне каждый год привозить яблоки с этого дерева. Он уже, будучи человеком, далеко не молодым, надевал на спину рюкзак и тащил свой яблочный урожай, чтобы еще и еще раз поблагодарить меня.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В начале 90-х пришла новая власть. Первое, что она сделала в сфере образования — снизила «планку» среднего образования с 11 лет до 9.

Все, чего с таким трудом удалось достигнуть за многие годы, было уничтожено в один момент. Среднее образование перестало быть обязательным. Руководители школ получили право отчислять со школ учеников, которые даже не закончили 7 классов. Местные органы власти уже не считали эту проблему своей «головной болью». В результате в Украине появились неграмотные или малограмотные люди.

У этого «новшества» были свои авторы — академики Юхновский и Жулинский, которые с попустительства Президента Леонида Кравчука и внедрили эту новую модель всеобщего среднего «недообразования».

Я лично обращался с письмами к Николаю Жулинскому, который в те годы курировал народное образование в высших эшелонах власти, пытаясь объяснить всю нелепость принимаемых нововведений. Но мои письма он даже не удосужился прочитать.

Такое положение вещей сохранялось до 1996 года. Потом эта ошибка была исправлена, и одиннадцатилетку вернули. Но сколько прошло времени и сколько это принесло вреда школе, детям и стране!

К большому сожалению и сейчас современной школе наносится немало вреда. Я, например, категорически против двенадцатилетней системы. Эти баллы размыты, не понятно, что означает каждый из них.

Раньше получить пятерку — это было весомо, все это понимали, что она означает. Был стимул получить именно пятерку. А сейчас какой стимул? Получить 12, 11 или 10?

А что делается со школьными предметами! Исключение из учебных планов украинских школ русского языка — это преступление перед поколением. Во-первых, русский язык международный, им пользуется весь мир, а украинским — только Украина. Русский язык и литература обогащает наших детей. Незнание этого языка обедняет нашу молодежь.

Я не националист, не российский шовинист, не предлагаю украинский язык заменить русским, но я категорически осуждаю ограничение изучения русского языка.

Я совершенно не приемлю сфальсифицированный, фальшивый курс истории Украины, которую сейчас преподают в школах. Это не история Украины — это клевета на историю Украины. Я считаю, что вранье нельзя внушать детям и помещать его в учебники. Нельзя, чтобы в школьных учебниках появлялся портрет президента или его детей и внуков. Это несусветная глупость!

Тестирование школьников тоже придуманная, «притащенная» из-за рубежа идея. Не умея пользоваться этим тестированием, извращая его, мы очень навредили школе.

РОВНО ТРИДЦАТЬ

В Министерстве образования я проработал ровно 30 лет — день в день. Дата моего поступления на работу значилась в трудовой книжке — 9 сентября 1954 года. И когда было 9 сентября 1984 года, я был переведен в Академию педнаук на научную деятельность.

Все эти и годыя был перегружен работой, причем которую сам для себя находил и организовывал. Праздных дней и вспомнить не могу. Вечерами я писал, во время отпуска и в выходные дни я тоже всегда работал над статьями или другими материалами.

Я много занимался общественной работой. Был избран членом Центрального комитета профсоюза учителей и членом его Президиума. По решению КЦ я был назначен на должность заместителя Председателя Совета мира Украины, который возглавлял Олесь Гончар. По линии Совета выезжал в командировки: в Югославию, Польшу, Болгарию, Венгрию и другие страны.

Тесно сотрудничал я и с обществом «Знание». Сначала читал лекции о школьном образовании, а потом выступал с лекциями о войне.

Теперь мне даже трудно поверить, что все это я успевал.

С первым премьер-министром Польши Юзефом Циранкевичем (справа)
и Президентом Всемирного Совета Мирп Ромешем Чандрой,
Варшава, 1979 г.

Делегация Всемирного Совета Мира, Варшава, 1979 г.

На встрече с моряками-лунайцами, 1976 г.

В кабинете начальника политуправления, 1979 г.
(справа налево) К. С. Грушевой — генерал-полковник
начальник политуправления Московского военного округа,
В. Л. Говоров — генерал армии, командующий округом,
генерал-лейтенант, начальник штаба округа

Женева, 1970 г.

ДОЛОЙ ВТОРОГОДНИЧЕСТВО

Работая в министерстве, я не мог не обратить внимание на крупнейший недостаток в нашей образовательной системе — мы оставляли на второй год 550–600 тысяч школьников ежегодно. А ведь это жуткая психологическая травма для родителей и детей. Кроме того, на эти издержки просвещения шли большие государственные расходы. Я поставил перед собой и всем управлением, которым руководил, задачу: найти пути преодоления второгодничества.

Идея решения этой проблемы заключалась в том, что нужно было изъять из общеобразовательной школы потенциальных второгодников. В их числе были в основном дети или умственно отсталые или с физическими недостатками, которые не позволяли им нормально учиться.

Мы стали расширять сеть лесных школ (они создавались в лесных массивах для ослабленных, больных детей) Начали создавать специальные учебные заведения для плохо видящих или плохо слышащих детей, а также школы с группами продленного дня для тех, у кого не было условий учиться дома. Все это позволило на половину сократить второгодников.

На эту тему я выступил с докладом на коллегии Министерства просвещения ССР. Сначала мне для выступления дали 20 минут, но потом Прокофьев, Министр просвещения, предложил не регламентировать мой доклад. В итоге присутствующие на коллегии слушали меня 40 минут.

Потом было принято решение опубликовать мой доклад без сокращений в «Учительской газете». Позже вышла брошюра под названием «Пути преодоления второгодничества», в которой были изложены все рецепты по этому вопросу.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

Еще одна проблема, которую я курировал — это система учета и оценки знаний учеников. У нас была тогда пятибалльная система. И часто бывало так, что если, например, ученик по литературе получал «двойку», не зная творчество какого-то писателя, а потом ему ставили «четверки» за другие темы, то в конце выводилась все-таки положительная оценка.

Таким образом, получалось, что в знаниях учеников были колоссальные пробелы по многим предметам, которые никак не отражались на их оценках. Для того, чтобы преодолеть этот недостаток, мы предложили ставить оценку тематическую. И, если

ученик получил плохую оценку за знание творчества писателя, он должен был пересдать эту тему, чтобы претендовать на оценку положительную. Сейчас эта система оценки знаний учеников успешно работает в современных школах.

ПОЧЕМУ?

Одним из главных направлений моей работы в системе просвещения было изучение лучшего учительского опыта. Я сам учился уму разуму у Сухомлинского, хотя он был моложе меня. Ни раз бывал в его школе и беседовал с ним.

Однажды Сухомлинский мне сказал, что, когда он бывает на уроках своих учителей, он не может понять, почему ученики не задают вопрос «почему?». Я тоже задумался над этим, и через некоторое время написал статью на эту тему.

Я был знаком с опытом работы Богдановской средней школы Кировоградской области, директором которой был Ткаченко Иван Гурович. Он был мастером педагогического труда, и я тоже у него учился. Он мне говорил, что контроль за работой учителя всегда должен присутствовать.

Ведь одно время в системе школьного образования было такое веяние — отказаться от контроля учителей, уменьшить посещение уроков. Начали появляться школы, работающие без контроля. Я имел возможность проверить их деятельность с помощью инспектуры, чтобы посмотреть насколько это эффективно.

Мы увидели безответственность, необъективную оценку знаний, необъективную оценку деятельности учителя и школы вообще. Я выступил с публикацией «Цена контроля», в которой категорически восстал против этой идеи. Думаю, что мне удалось «придавить» развитие практики бесконтрольности в работе школ. Ведь контроль нужен, прежде всего, для того, чтобы руководитель знал, что делается у него в школе: на каком уровне ведутся уроки, соответствуют ли они программам, как подготовлены учителя, воспринимают ли материал и самого педагога дети.

Контроль необходим для обогащения знаний самого директора, чтобы он учился у хороших учителей.

Ткаченко также считал, что контроль необходимо сочетать с оказанием помощи. Помню, он мне рассказал один случай, который произошел на уроке математики. Его вела молодая учительница, а он присутствовал на этом уроке. И как математик, и как директор школы Иван Гурович понял, что молодой педагог не справляется с уроком. Он ей посоветовал, что и где нужно почитать, что посмотреть. Так продолжалось несколько раз. Он

приходил на уроки, советовал, но это не приносило результатов. Тогда директор сам подготовился к уроку математики в третьем классе и провел его в присутствии учительницы.

ТВОРЧЕСТВО

Моя самая активная творческая деятельность в сфере школьного образования приходится на 60-е, 70-е и 80-е годы. В это время очень много моих публикаций появилось на страницах главным образом педагогических журналов: «Народное образование» и «Радянська школа». Я также активно сотрудничал с «Педагогической газетой» и с «Радянської України».

Уже тогда мои коллеги интересовались, где я беру время, чтобы так много писать. Я объяснял, что нахожу его за счет уплотнения своего рабочего времени. Будучи в должности начальника управления Минобразования, я задерживался на службе ежедневно как минимум на полтора-два часа. Второй момент — это рациональная организация труда. Думаю, что и сегодняшним служащим не помешало бы делать то же самое, потому, что это дает очень высокий коэффициент полезности труда. Меньше болтовни, меньше ненужных телефонных разговоров, больше творчества.

В этом вопросе я использовал опыт известного педагога Сухомлинского. Он говорил так: «Я поставил перед собой задачу — каждый день написать 20–30 страниц текста разрабатываемой проблемы. Если я их сегодня не написал, завтра я должен написать 40, а если и это не получилось, тогда на следующий день мне нужно написать 60».

В моих работах основными «фигурантами», если можно так выразиться, были директор школы и учитель. Именно от них процентов на 80 зависит качество учебного процесса. Я попытался для себя сформулировать какая же главнейшая задача учителя. Вот что у меня получилось.

Учитель — доверенное лицо общества, которому оно поручает самое дорогое и самое ценное — своих детей, свое будущее. Эта благородная и необычайно трудная профессия требует от человека, который посвятил ей жизнь, постоянного творчества, неутомимой работы мысли, огромной душевной щедрости, любви к детям, бесконечной верности делу. Задача педагога — научить детей быть людьми на земле.

Учителю я посвятил немало своих творческих работ. К съезду учителей Союза ССР газета «Известия» опубликовала мою

статью «Народный учитель». В ней на конкретных примерах я показал, каким должен быть настоящий учитель.

Обществом «Знание» была издана моя брошюра, «Учитель и ученик». В этой работе я обозначил, каким должно быть сотрудничество учителя и ученика. Потому, что это — главное. Каким оно будет, какое будет взаимопонимание между ними, зависит очень многое, если не почти все.

Памятной для меня статьёй, опубликованной в газете «Правда» по этой же теме является статья «Учительская высота». Еще одна моя работа, которая вызвала большой резонанс в учительской среде, была статья «Ученики другие, а мы?». Я хотел обратить внимание на то, что ученики смотрят телевизор, слушают радио, ходят в кино, читают книги, одним словом развиваются очень быстро. А успевают ли за ними учителя — вот в чем вопрос.

Что касается директора школы, то во все времена говорили так: «Какой директор, такая и школа». В этом я убедился, пройдя по всем ступенькам своей педагогической карьеры, начиная от учителя сельской школы и заканчивая начальником Главного управления школ Минобразования. Если директор школы профессионал, идет в ногу со временем, контактирует с обществом и тесно связан с окружающей средой — это настоящий руководитель детского учебного учреждения.

Ведь в мою бытность на посту начальника Главка, именем директора называли школу, которой он руководил! Например, не просто сельская Павлышская школа под каким-то номером, а школа Сухомлинского. Были школы Ткаченко, Кривоноса, Капто, Максюты. В Киеве — школы Поликши, Демченко, Яковлева. Я бы насчитал десятки таких имен, с опытом работы которых я был знаком. Их имена школам присваивало не государство, а сами люди, и это была наивысшая оценка.

Если обобщить их опыт, то можно вывести формулу составных частей управленческой деятельности директора школы. Что я и сделал.

Это общечеловеческая культура, правовая, эстетическая, а в педагогической отрасли еще и педагогическая культура, культура общения. Культурно работать - это уметь (учиться) глубоко и всесторонне анализировать, объективно оценивать свою деятельность и деятельность своего коллектива, каждого работника. Владеть оперативной, правдивой информацией о состоянии дел, препятствовать принятию решений, в целесообразности которых руководитель не убежден, не принимать их в раздраженном состоянии.

Практические советы в помощь директору школы я изложил в своей главной книге — «Руководство современной школой» (1983). Там можно найти все: должностные обязанности работников школы, начиная с уборщицы и заканчивая руководством, содержание деятельности педсовета, методических объединений. Даже рациональное использование школьной мебели и расстановка парт в классе, тоже нашли свое место в этой работе.

Эту книгу мне приходилось встречать в Югославии, в Венгрии, в Болгарии, в Польше. Я был приятно удивлен, когда узнал, что даже в Грузии ее раздавали по разнарядке во все грузинские школы.

Еще одна моя работа, посвященная руководителю школы, называется «Реализация принципа демократизации в управленческой деятельности директора» (1988). Культура управленческого труда директора школы, оценка деятельности учителя и целый ряд других вопросов, раскрыто в ней.

Много своих работ я посвятил повышению квалификации учителей. В институте последипломного образования, где я читал лекции, была создана картотека лучшего педагогического опыта учителей.

Шеховцова — одна из основателей этого движения, однажды сказала: «Пединститут дал мне право зайти в класс и сказать «Здравствуйте, ребята!». Все остальное педагогическое мастерство я приобрела через 10–15 лет моей работы в школе, и получила я эти знания от своих коллег, учителей, которые были моими наставниками».

Высказывание этой учительницы и других педагогов натолкнуло меня на мысль создать пособие о наставничестве. Такая книга под названием «Молодому учителю» вышла в 1988 году. Она состоит из практических советов, которые дают опытные педагоги, директора школ. Книга пользовалась большой популярностью, ее просто «из рук вырывали». Каждому молодому учителю, который приходил в школу, выдавали эту книгу.

Думаю, что проблемы, поднятые в моих работах, и сейчас остаются актуальными. И молодые, начинающие педагоги смогут найти для себя полезные советы и сегодня, если полистают их. Ибо учитель и директор школы — категории постоянные.

УЧЕЬЕ ПО-АНГЛИЙСКИ

По линии просвещения я много ездил в командировки за опытом. Одна из самых запоминающихся была поездка в Англию. Меня многое поразило в этой стране и в хорошем и плохом смысле.

Когда нас пригласили поприсутствовать на заседании Парламента, с нас взяли подписки о том, что мы не будем бросать яйца и гнилые фрукты в депутатов.

Как раз во время нашего пребывания в стенах этого уважаемого учреждения, депутаты затеяли драчку — лейбористы дрались с консерваторами из-за какого-то закона. В то время для меня это было большой дикостью.

Поход в Королевскую оперу меня тоже несколько разочаровал. Я представлял себе, что женщины посещают оперу в вечерних платьях, а мужчины в смокингах. Увы, оказалось все совсем не так. Англичане пришли на спектакль в обычной повседневной одежде — в брюках, мини юбках и так далее.

Гайд-парк меня поразило тем, что на его территории можно было выступать и критиковать кого угодно и как угодно, вплоть до английской королевы. Туда приходили любители поболтать и высказать свое мнение. Выступающий приходил с табуреткой, на которую взгромоздился и произносил свой спич. Причем наличие аудитории было совсем необязательным. И, если оратор казался интересным народу, вокруг него сразу же собиралась толпа.

А еще мне понравилось, что в этом знаменитом парке люди не только ораторствуют, но и просто отдыхают, разместившись прямо на траве. Распивают различные напитки, общаются, но пьянок никаких не устраивают.

Мы познакомились с элитным Оксфордским университетом, который в свое время заканчивали Маргарет Тетчер, Индира Ганди, Клинтон и другие знаменитости. В этом учреждении были свои интересные традиции. Мне запомнилась трапезная с крупнейшим залом и длинными столами. Там ели студенты и преподаватели самого высокого ранга вместе за одним столом.

В Винчестере мы посетили общеобразовательный интернат с 12-летним сроком обучения. В нем училась тоже элитная молодежь. Я помню разговор с одной одиннадцатиклассницей, который меня поразило. Она очень хорошо говорила по-русски, и когда я поинтересовался, сколько времени она его учила, ее ответ меня крайне удивил. Оказалось, что всего лишь один год.

У нас же иностранный язык учили в школе десять лет, и многие по ее окончании «ни бельмеса» не понимали. Потому, что и методика, и приемы изучения языков у нас были абсолютно неправильными. И сейчас, кстати, происходит то же самое.

Нельзя растягивать изучение иностранного языка на длительное время. Нужно создать соответствующие условия, окружение, чтобы овладеть языком. Может быть даже, отказаться от изуче-

ния грамматики на первых порах, а начать с разговорного языка. И эта молодая англичанка подтвердила, что в течение года для нее было создано русское окружение, благодаря которому она быстро освоила незнакомый язык.

Большой интерес у меня вызвала английская система обучения в целом. Детей они начинают учить с 5 лет в малышевской школе и продолжают до 7 летнего возраста. Там маленького ребенка не обучают чтению или письму, его просто учат жить на белом свете. Дети играют, сочиняют, одним словом, идет общее развитие ребенка.

Потом идет общеобразовательное обучение. Но мне не понравилось, что ребят делят на три группы: «а», «b», «с». В группу «а» входят очень умные ребята, в группу «b» — менее умные, и в «с» — с какими-то недостатками.

Зато мне очень понравился один воспитательный момент в английских школах.

В столовой за столик из пяти человек сажают несколько малышей и ученика лет 11–12, который уже умеет пользоваться столовыми приборами и вести себя за столом. Они смотрят на него и пытаются подражать. По-моему замечательно.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Прочитав предложенную книгу, читатель, возможно, откроет Евгения Степановича Березняка для себя с новой, неизвестной до сих пор стороны. Как это случилось со мной.

До личной встречи с Евгением Степановичем я многое знал о нем, прочтя в своё время его книги: «Я – «Голос», «Пароль – «Dum spiro...», «Операция «Голос». Неоднократно смотрел художественный фильм «Майор Вихрь», прототипом главного героя которого стал Березняк.

Меня глубоко поразили личные и профессиональные качества этого легендарного и неординарного человека, который, не будучи кадровым разведчиком, навечно вписал свое имя в историю военной разведки.

Популярность неожиданно пришла к Евгению Березняку в шестидесятые годы, когда известный писатель Юлиан Семенов выписал из него образ майора «Вихря» в своей одноименной героико-приключенческой повести. Таким образом, впервые через долгие годы после войны была открыта правда о деятельности Евгения Степановича как военного разведчика. Но что важно, этот человек всегда оставался Березняком, простым украинским парнем, который прошел через бурные, порой трагические, порой счастливые годы XX века. Он всегда иронически улыбался, когда его называли майором «Вихрем». Ему больше по душе было быть тем, кем он проходил по списку разведотдела 1-го Украинского фронта – «капитаном Михайловым», командиром разведывательной диверсионной группы «Голос».

Ярко и четко деятельность Березняка как разведчика описал один из руководителей партизанского движения на Северо-Западном, Юго-Западном и 3-м Украинском фронтах генерал-майор А.Н.Асмолов в своей книге «Фронт в тылу Вермахта»: «Действуя нередко в одиночку, Е. С. Березняк совершал смелые диверсии и наносил ущерб врагу везде, где только мог. Евгения Степановича отличали хладнокровие и дерзость, риск и находчивость, знание немецкого языка. После выхода группы «Голос» из вражеского тыла командование фронта дало такую оценку её деятельности: «Материалы, полученные от группы, которая действовала в исключительно тяжёлых условиях, были чрезвычайно точны и важны, что впоследствии подтвердилось в ходе боевых действий».

До сих пор все данные о деятельности группы Березняка, в том числе о спасении Кракова, хранятся с грифом «Хранить вечно, уничтожению не подлежит».

Несмотря на то, что в первую очередь мы воспринимаем Евгения Березняка как военного разведчика, не менее значительны успехи его и на педагогической ниве – кандидат педагогических наук, заслуженный учитель УРСР, почетный академик Академии педагогических наук Украины. О его педагогической и творческой деятельности мы можем узнать из более чем 100 научных публикаций, посвященных вопросам управления в системе народного образования, обучения и воспитания учащихся.

На протяжении многих лет Евгений Степанович ведет активную общественную работу, является внештатным консультантом комитета по вопросам науки и образования Верховной Рады Украины и членом Совета ветеранов столицы.

Большой честью для себя я считаю личное знакомство с Евгением Степановичем Березняком.

Мы часто встречаемся, обсуждаем различные вопросы, советуемся, ведь в свои 96 лет Евгений Степанович Березняк удивительно бодр, ясен умом и тверд памятью. И, несмотря на все выпавшие на его долю тяготы, обладает искрометным чувством юмора и благодарит судьбу.

А судьба у Евгения Степановича – как сложный узор в калейдоскопе, где есть место и героическим подвигам, и многолетнему самоотверженному труду на педагогической ниве, и множеству невероятных событий.

Евгений Степанович Березняк – человек, которым гордится весь личный состав Главного управления разведки Министерства обороны Украины. Всенародно любимый и уважаемый легендарный ветеран-разведчик, прошедший через

горнило Великой Отечественной войны, несмотря на возраст, передает свой бесценный жизненный и служебный опыт младшему поколению, пропагандирует лучшие традиции разведки, активно участвует в военно-патриотическом воспитании украинской молодежи.

Начальник Главного управления разведки
Министерства обороны Украины
генерал-лейтенант В. И. Гвоздь

С Евгением Степановичем Березняком я познакомился полтора десятка лет назад на встрече в Главном управлении разведки. Искренне считаю, что Евгений Степанович поистине героический человек. Тот подвиг, который он совершил в годы Великой

Отечественной войны, останется в веках. Он спас многие жизни жителей Кракова – одного из древнейших и красивейших польских городов, а также жизни наших бойцов, которые освободили город. Я за свою 35-летнюю службу в разведке знал многих разведчиков - фронтовиков, но таких исключительно героических людей, как Е.С.Березняк, я встретил впервые.

Он серьезный, великодушный, высокоинтеллигентный человек, обладающий исключительной памятью. Е.С.Березняк в своих выступлениях никогда не пользуется шпаргалками, все идет у него из головы. Память у него изумительная, несмотря на свои большие годы. Его интереснейшие и содержательные рассказы всегда воспринимаются, как правдивые повествования о своей разведывательной деятельности. Евгений Степанович обладает восхитительным чувством юмора. На встречах с ним разведчики иногда до слез смеются с его шуточных рассказов, шуток и анекдотов, в большинстве своем взятых из жизни. А еще он очень великодушный человек, никогда не выпячивает свои заслуги, умеет выслушать и дать добрый совет.

Я часто после войны по делам службы бывал в Кракове и мы с Е.С.Березняком вспоминали ту площадь, рынок Тандета - большой польский базар. Там продавалось все, в т.ч. и менялись деньги самых различных государств. Мы вспоминали замок польских королей Вавель с его подземными ходами, а также крепость Костюшко, которая располагалась на высокой горе. Посредине крепости был насыпан высокий курган метров тридцать высотой, и на его верху находилась обзорная беседка, с которой виден почти весь Краков – величественный и красивый. И все это спас от уничтожения Евгений Степанович со своими боевыми товарищами.

То, что совершил Е.С.Березняк и его разведгруппа, его подвиг останется в памяти многих поколений. И очень ценно, что молодое поколение военных разведчиков Украины помнит и чтит это. Молодцы и ветераны военной разведки. Фонд ветеранов военной разведки под руководством генерал-майора Ю.Т.Левченко и полковника Ю.М.Ярухина всячески помогает нам – ветеранам Великой Отечественной и эту заботу трудно переоценить. Эта книга является еще одним подтверждением их благородной и бескорыстной работы. Мы же, в свою очередь, всегда ради и готовы участвовать во всех начинаниях Фонда, с удовольствием принимаем участие во всех его мероприятиях.

Будучи начальником разведки Центральной группы войск в Чехословакии, Дальневосточного военного округа, а затем Киевского военного округа, я встречал многих военных разведчиков и многих из них воспитал. Встречаясь с ними сегодня, всегда привожу им в пример подвиг Е.С.Березняка. Для молодежи это неиссякаемая память о великом человеке и настоящем разведчике. Я очень рад, что имею такого друга.

Почетный президент Фонда ветеранов военной разведки,
Ветеран Великой Отечественной войны,
генерал-майор в отставке В. Ф. Кузовенко

Изначально замысел нашего авторского коллектива, теперь уже издательского Дома «Военная разведка», был таков: показать Березняка, которого все знают больше, как легендарного разведчика майора Вихря, как человека, незаурядную и притягательную личность. Очень умного, образованного, прекрасного педагога, которому Бог послал такую долгую, насыщенную интересными событиями жизнь.

Эта идея Евгению Степановичу очень понравилась и, спасибо ему большое, он активно взялся за работу. Буквально за несколько месяцев в соавторстве с Мариной Марченко была написана книга его воспоминаний. Думаю, что она вызовет большой читательский интерес не только с точки зрения малоизвестных подробностей его биографии, но и приоткроет тайны богатого внутреннего мира этого уникального человека.

Сегодня майора Вихря знает весь мир. Прежде всего, благодаря его замечательным книгам, издаваемым миллионными тиражами. Но было время, лет 15 тому назад, когда в нашем молодом государстве мало кто помнил о его существовании.

Мне напоминает такой эпизод, который произошел в мою бытность замначальника ГУР МО Украины. В ноябре 1997 года, накануне Дня Вооруженных сил, во время доклада Министру обороны Александру Ивановичу Кузьмуку я высказал предложение использовать в воспитательной работе с молодежью опыт ветеранов разведки, таких, как легендарный майор Вихрь. А его прототипу – Евгению Степановичу Березняку присвоить звание майора, так как по прошествии 52-х лет после окончания войны он, в отличие от своего героя, все еще был капитаном («капитаном Михайловым», как его называли боевые товарищи и польские побратимы).

Министр отнесся к этому предложению с энтузиазмом и благодаря активной поддержке начальника Генерального штаба Анатолия Васильевича Лопаты, историческая справедливость была восстановлена, и легендарный майор Вихрь стал майором не только в кино, но и в реальности. Резонанс этого события был довольно большой и в нашей стране, и за рубежом, особенно в Польше и в России. Все последующие награды и звания Евгений Степанович получал уже без нашего вмешательства. 2001-ом ему присвоили звание Героя Украины, а в 2005-ом - генерал-майора.

Когда же Березняк стал вновь известным и популярным человеком, очень многие, в том числе и люди высокопоставленные, выразили желание (и продолжают это делать) хоть как-то приобщиться к нему, воспользоваться его авторитетом. Но Евгений Степанович никогда в угоду конъюнктуре не делал ни единого шага в этом направлении, не позволял себе служить рекламой кому бы то ни было.

Он никогда не придерживался крайних позиций в отношении национального вопроса. Не относился ни к тем, кто «рвет на себе рубашку», доказывая, что он самый украинский украинец и ни к тем, кто забывает, что живет в Украине. Прекрасно знает украинский язык, однако, прежде, чем общаться с человеком, он интересуется, смогут ли его понять. Такое правильное сочетание патриотизма и наших исторических корней, которые были связаны с Советским Союзом, делают Березняка прообразом того украинца, к которому, я надеюсь, мы со временем придем.

Евгений Степанович очень трепетно относится к своему званию Героя Украины, но когда это же звание было присвоено Степану Бендере, его возмущение было настолько сильным, что он готов был отказаться от этого высокого звания. Таким принципиальным человеком он был всегда и во всем, и остается им и сегодня.

По моему мнению, Березняк – это явление, которое следует изучать. Значение его личных качеств только усиливается с течением времени, особенно в условиях идеологической борьбы, которая началась в начале 90-х и продолжается сейчас. Он как раз и есть тем примером, на котором можно учиться и жизни, и профессии разведчика, и профессии педагога. Об этом свидетельствует огромный, неиссякаемый интерес к его личности со стороны любой молодежной аудитории - студентов, школьников или курсантов.

Президент Фонда ветеранов военной разведки
Генерал-майор запаса Ю. Т. Левченко

Моя перша зустріч з Євгеном Степановичем відбулася у 1968 році під час навчання у Київському суворовському військовому училищі. У одного із офіцерів-вихователів, який тоді був для нас педагогом-вихователем, була змога запросити до нас на зустріч розвідника. На той час Березняк ще не був такою відомою людиною, бо тільки у 1965-му році вперше з'явилися перші статті про нього та діяльність його розвідувальної групи «Голос».

Мені тоді було не повних 16 років. Я до того часу уже прочитав Юрія Доль-Михайлика «І один у полі воїн» і ще якісь книги про розвідку, але я ніколи навіть не думав, що можу зустрітись із розвідником віч-на-віч.

Зустріч із Березняком не виправдала моїх юнацьких сподівань і уявлень про справжніх героїв. Я думав, що розвідником має бути якась надлюдина. А я побачив перед собою простого у спілкуванні, звичайного чоловіка. Він не так багато розповідав про свою розвідувальну діяльність, а більше говорив як вчитель, як батько. Про навчання, про те, як побудувати лінію свого майбутнього життя та про інші важливі речі.

Зустріч із Березняком не виправдала моїх юнацьких сподівань і уявлень про справжніх героїв. Я думав, що розвідником має бути якась надлюдина. А я побачив перед собою простого у спілкуванні, звичайного чоловіка. Він не так багато розповідав про свою розвідувальну діяльність, а більше говорив як вчитель, як батько. Про навчання, про те, як побудувати лінію свого майбутнього життя та про інші важливі речі.

Цю розмову я проніс через все життя. І коли мені запропонували піти у розвідку (у розвідку іти пропонують), згадалась наша зустріч, поради Євгена Степановича, хоча пройшло більше 10 років. Рішення я прийняв відразу.

Потім ми дуже часто зустрічалися і у справах, і просто поспілкуватися у домашньому колі. Він дуже цікава людина у спілкуванні. Говорили на різні теми, в тому числі на тему виховання у молоді патріотизму. Зараз вся робота, яка проводиться у стінах нашої Воєнно-дипломатичної академії і Березняком особисто, спрямована на виховання саме цієї якості у молодій людині.

Євген Степанович – це скарбниця педагогічних порад. Він має чималий досвід у цих питаннях і практично ніколи не помиляється у своїх висновках, якщо з ним радитись. У той же час він

ніколи не хизується тим, що дуже багато років пропрацював на цій ниві і не дає приводу відчути, що має у цьому перевагу.

Він ніколи не займає позицію наставника, скоріше товариша, друга або колеги. А його поради зовсім ненав'язливі, викладені з гумором. У розмові навіть і не відчуваєш, що отримав пораду, а уже потім, коли починаєш аналізувати, розумієш, що саме підказав Березняк.

Коли я писав дисертацію на педагогічну тему (це теж трішки від Березняка), дуже уважно перечитав трьохтомник його педагогічних праць. І, хоча тема моєї дисертації була специфічна, ближче до професійного спрямування, але деякі важливі моменти із творів Євгена Степановича мені дуже стали у пригоді. В інших джерелах, які я вивчав, такого матеріалу не було.

Я ніколи не мріяв стати розвідником, але мріяв бути педагогом. І коли постало питання про дисертацію, я, порадившись з Євгеном Степановичем, вирішив писати її саме на педагогічну тему. Він підтримав мене тоді у нелегкому виборі і за це я йому дуже вдячний.

Його почуття гумору ціную дуже високо. Пригадую ситуацію, коли Березняку присвоїли звання «Почесного солдата» нашого тоді ще інституту і ми показали йому кімнату почесного солдата. Він про щось розповідав, а потім каже: «От добре, тепер у мене буде запасний аеродром. Якщо раптом дружина вижене, то я буду знати, куди піти». Такі слова об'єднують людей, а він їх дуже любить.

Ця його любов до людей, до життя, просто вражаюча. Впевнений, що саме вона надала йому довголіття. Любов проявляється у працездатності - він завжди у пошуку, у русі. Ніколи не ховається у собі, відкритий для спілкування. За довгий час співпраці з ним, як із посадовцем і просто людиною, він ніколи не сказав «ні». Ніколи не сказав, що йому щось не сподобалось, хоча моменти бувають різні. Точка зору його завжди позитивна.

Він має ще один талант, дуже рідкісний – вміння слухати людину. Уважно і проникливо. Йому я можу говорити відверті речі, так само, як і він мені, і я знаю, що все це залишиться між нами.

Я багато чого перейняв у Євгена Степановича, особливо що стосується роботи з людьми. І дуже хотів би, щоб і слухачі нашого навчального закладу знайшли в цій особистості щось своє, цікаве для наслідування і розуміння сенсу життя.

Начальник Воєнно-дипломатичної академії
генерал-майор В. Г. Кушов

БИОГРАФИЯ

БЕРЕЗНЯК Евгений Степанович («Голос», «капитан Михайлов», Винцентий Казимирович Патковский, «майор «Вихрь»)

Родился 25.02.1914 г., г. Екатеринослав, ныне г. Днепропетровск.

Командир разведывательной группы, легендарный «майор Вихрь».

Украинец. Из служащих. Генерал-майор (2.05.2005). Герой Украины (21.08.2001). В Красной Армии с 1943 г. Член компартии с 1939 г. Окончил педагогический техникум (1931), 2 курса Днепропетровского горного института, географический факультет Осипенковского учительского института (1938), Специальную разведывательную школу РУ Генштаба КА (1944, с отличием), исторический факультет Львовского педагогического института (1947). Владел немецким языком.

До войны работал учителем сельской школы в Кировоградской и Днепропетровской областях (1931-1935); заучем, директором Новоселовской средней школы, инспектором, заведующим районного отдела народного образования в Днепропетровской обл. (1935-1939); заведовал Шевченковским районным и Львовским городским отделом народного образования (1939-1941). Был награжден медалью «За трудовую доблесть» (1939).

Участник Великой Отечественной войны. С октября 1941 г. на подпольной работе в Днепропетровской обл. Был пропагандистом и связным Петропавловского подпольного райкома и Днепропетровского обкома партии, занимался агитационной работой среди населения на оккупированной территории. Работал рабочим на железной дороге, вел разведывательную и подрывную работу. По заданию подпольного обкома партии устроился на работу в немецкую фирму «Украинель», где продолжал вести разведывательную работу и агитацию среди немецких и итальянских солдат. После освобождения области работал заведующим сектором информации Днепропетровского обкома партии (конец 1943-январь 1944).

В январе 1944 г. был отобран для работы в военной разведке. После окончания разведывательной школы направлен в распоряжение РО штаба 1-го Украинского фронта (с 1 июля 1944). Прошел дополнительную разведывательную подготовку при РО штаба фронта. Готовился к выполнению задания в качестве командира разведывательной группы для действий в оккупированном Львове, но получил новую задачу. В ночь на 19 августа 1944 г. во главе разведывательно-диверсионной группы «Голос» под именем «капитан Михайлов» десантировался в районе г. Краков (Польша) с задачей организовать разведку войск, оборонительных рубежей и воинских перевозок противника, районов расположения штабов, узлов связи, аэродромов и объектов тыла противника. Был захвачен гестапо. Бежал. Привлек к разведывательной работе несколько польских патриотов, значительно расширил агентурную сеть, завербовав свыше десяти ценных источников, которые выполняли задачи по разведке войск и военных объектов. Добываемые сведения немедленно передавались по радио в штаб фронта. При организации и ведении разведывательно-диверсионной работы в тылу противника в исключительно сложной обстановке проявил стойкость, мужество, инициативу, умение и настойчивость в достижении целей.

За период работы в тылу противника (19 августа 1944-23 января 1945) группой была полностью вскрыта краковская группировка войск, в состав которой входило семь пехотных дивизий (78-я, 96-я, 208-я, 359-я, 371-я, 544-я и 545-я), 20-я танковая дивизия и 344-я гренадерская дивизия. Были установлены места расположения штабов 59-го армейского корпуса, дислокация частей авиационного корпуса и других частей. Силами созданного боевого отряда из бежавших из плена советских военнослужащих организованы и проведены диверсии на железнодорожных и шоссейных коммуникациях противника. Всего командование фронта получило от группы «Голос» свыше 140 радиogramм с весьма ценными разведывательными сведениями о войсках и военных объектах немцев, расположенных в Кракове и его окрестностях, а также о системе обороны и оборонительных сооружениях по рубежу р. Висла. Эти сведения имели важное значение для планирования и успешного проведения войсками фронта операции по разгрому краковской группировки противника. От источника «Правдивый» (Курт Гартман) и захваченного в плен инженер-майора краковского укрепрайона К.Пеккеля был получен и передан командованию фронта план минирования Кракова. Группа своими действиями спасла Краков от разрушения. После выполнения задания, вернувшись в РО штаба фронта и подробно доложив о действиях группы, в

ХОХМЫ

С юмором дружу с детства. Он не раз помогал мне в самые тяжелые минуты. С огромным уважением отношусь к людям, которые шуткой, веселой историей умеют поднять настроение и оживить окружающую действительность. Поэтому с удовольствием расскажу некоторые хохмы и комические эпизоды из моей жизни, которые сам не могу вспоминать без улыбки.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДЕТСТВА

Бревно

Когда мне было 12 лет, я летом спал во дворе. Отец накладывал мне на повозке сено, давал укрыться какой — то «ряднухой», и это была моя кровать. Родители укладывали меня спать на свежем воздухе, а сами шли в хату, не понимая, что одиннадцать часов вечера для сельских ребят было еще детским временем. Мы дожидались, пока все уснут и собирались компанией делать свои мальчишеские дела.

Чтобы обмануть отца и пойти с ребятами гулять по селу, я нашел бревно по своему росту и накрыл его одеялом, якобы я сплю. На мое несчастье отец зашел проверить, как я там сплю. Приподнял «ряднуху» и увидел бревно. Не долго думая, он сам лег на мое место и стал меня дожидаться. Можно себе только представить эту немую сцену, когда я откинул одеяло и хотел быстренько лечь, и вдруг увидел там отца.

В тот момент я думал, что он меня убьет. Но он взял меня за уши, потаскал, как следует и положил спать со словами: «Больше ты меня не обдуришь».

Лапша

Однажды мама в наш палисадник принесла ужин — молочную лапшу. Дело было летом, поэтому пар с нее не шел, хотя она была очень горячая. И я, отхлебнув этой лапши, страшно обжег себе язык.

Желая обмануть своих сестер, я сказал, сидя за общим столом: «Мама, ты поставила холодную лапшу». Но мне на этот раз не повезло. Ни Дуся, ни Лида не притрунулись к еде, а первым схватил ложку отец. Обжегся, конечно, и на развороте этой же ложкой огрел меня по лбу.

ШУТКИ ЛЬВОВСКОГО ПЕРИОДА

Долой бюрократов!

Как — то раз заходит ко мне в кабинет секретарь Львовского областного комитета комсомола по школам и, разговаривая со мной, берет с моего стола переносной телефон и ставит возле себя. Я еще был занят разговором по другому телефону, когда обратил внимание, что мой гость все время набирает номер и кладет трубку.

— У тебя что, своего телефона нет? — спрашиваю его. — Чего это ты эксплуатируешь мой рабочий аппарат?

— Это я гоняю Петренко, — сознался он.

Петренко работал у нас в Областном комитете партии в отделе школ. Зануда был страшный и бюрократ. Все стонали от этого «рабочничка», но терпели.

И вот секретарь комитета комсомола, который зашел ко мне, решил его все — таки прочесть. Он узнал, что в этот день никого, кроме Петренко в отделе не было. Сам же отдел занимал три смежных комнаты, в каждой из которых стоял телефон. Поэтому, если в одной из них раздавался телефонный звонок, Петренко бежал в эту комнату, чтобы поднять трубку. На это и рассчитывал молодой человек, решивший прочесть заносчивого и всеми нелюбимого сотрудника, названивая ему то по одному, то по другому телефону. Таким образом, бедный Петренко, будучи еще и человеком исполнительным, вынужден был бежать из первой комнаты в третью. Именно по этой схеме гонял несчастного народный мститель.

— Алло, обком слушает, — старательным голосом говорил Петренко, но на другом конце провода почему — то раздавались гудки.

Вся эта экзекуция длилась минут двадцать, а потом, когда все это мне надоело, и я предложил с этим покончить, комсомольский секретарь набрал еще раз нужный номер и сказал: «А чего это ты, дурак, бегаешь?», — после чего положил трубку.

Выговор

Во Львове у меня был друг, заведовал городским финансовым отделом. Мой отдел народного образования находился на одном с ним этаже. Мы часто заходили с ним на пиво, я знал его семью, одним словом, водили дружбу.

Он, правда, был грубоват со своими подчиненными, что для меня было совершенно не приемлемо. В этой связи работники финотдела завидовали работникам народного образования

По долгу службы наши структуры часто готовили совместные документы. И вот однажды я подготовил приказ по городскому финотделу с датой и подписью. Там значилось следующее: «Я, заведующий городским финансовым отделом, Павленко, сознаю что я...», — далее следовали перечень его недостатков, промахов и оскорблений. Текст заканчивался словами: «Объявить выговор». В общем, все, как положено в официальных документах.

Я взял еще другие деловые бумаги, в середину вложил свой приказ и понес их на подпись своему товарищу. На первые страницы он глянул, а потом, разговаривая со мной, подписал все поданные документы.

Я вышел из его кабинета, извлек свой приказ и повесил его на доску объявлений, прикрепив кнопкой.

Через минут пятнадцать весь отдел хохотал возле доски объявлений.

Доктор здоров?

В мою бытность Начальником управления школ Львовской железной дороги был у меня один хороший знакомый — Начальник медицинской службы. Наши рабочие кабинеты размещались на одном этаже, и мы каждое утро встречались с ним на службе.

Может быть, в силу своей профессии, но у него была отвратительная привычка: каждый раз при встрече он говорил только одну фразу: «Как здоровье?». Это меня сильно раздражало, и я решил его отучить от этого.

И вот как-то, встретившись поутру на работе, я опередил его и первым спросил: «Доктор здоров? Стул был сегодня? Все в порядке?».

После этого случая мой сосед по этажу больше глупых вопросов мне не задавал.

Гуцулка Ксения

Кузьма Пелехатый был депутатом Верховного Совета Союза ССР и председателем Львовского облисполкома. Я же заведовал городским отделом народного образования. Против должности Пелехатого — это была мелочь. Но он очень уважал меня, и мы дружили.

Как-то попали вместе в ресторан. А поскольку Пелехатый был человеком музыкальным, он первым делом подошел к музыкантам и попросил исполнить его любимую песню — «Гуцулку Ксению». Они ответили, что не знают такую. Тогда Кузьма Николаевич, опершись на перила, напел им мелодию. Пианистка записала даже ноты этой песни.

Через десять дней мы опять оказались в этом же ресторане. Там уже «Гуцулка Ксения» звучала полным ходом. Кузьма носил депутатский значек, поэтому пианистка не решилась обратиться к нему, а меня спросила: «Скажите пожалуйста, чья это музыка и чьи слова?». А я говорю шутя: «Слова и музыка Кузьмы Пелехатого». Девушка записала сведения в блокнот.

Оказались мы в этом ресторане и в третий раз (как в сказке), только уже в компании львовян, которые хорошо знали Кузьму Николаевича. Сидим мы, разговариваем, когда слышим голос ведущего торжественно объявляет песню: «Гуцулка Ксения. Слова и музыка Пелехатого».

Тогда Кузьма обо всем догадался, замахнулся на меня палкой (он ходил с палкой) и говорит: «А, это ты, провокатор».

Павлуша

Я не уважаю людей хвастливых, которые любят подчеркнуть свою значимость, свой статус. А у нас во Львове был такой начальник отдела кадров Областного комитета партии. Потом отделы кадров были ликвидированы и этого товарища перевели на сельхозтехнику, что означало понижение по должности. Но он, как правило, при встрече убеждал всех в том, что не задержится на этой должности, и для него найдется место посолидней.

Я с ним не дружил, а вот Председатель Львовского городского совета Николаенко был с этим человеком в близких отношениях.

И вот как-то мы с Николаенко приехали в Киев на заседание Совета Министров по вопросу оздоровления детей. Мы жили в

гостинице «Театральная» (сейчас ее уже нет). Билеты на обратный путь взяли на самолет, который улетал в 6 часов утра.

Машину заказали в Кабмине, за нами должен был приехать дежурный автомобиль, чтобы отвезти нас в аэропорт.

В последний вечер мы долго сидели в ресторане, слушал музыку, закусывали. А потом поднялись к себе в номер, и я сказал своему коллеге, что хочу позвонить водителю, чтобы он меня встретил. А для междугороднего разговора я приобрел талон. А приятель мне и говорит, что, мол, зачем, если за ним тоже придет машина. Предложил не гонять зря водителя в такую рань.

Таким образом, у нас остался неиспользованный талон. И тут Николаенко вдруг говорит: «А давай позвоним Павлуше» (это тот, который был чрезмерно хвастлив). А, на минуточку, это было 2 часа ночи. «Только ты сам с ним поговори, а то он меня узнает. Придумай что-нибудь интересное», — предложил он.

И я набрал Павлушин номер.

— Бычков слушает, — почти бодрым голосом ответил Павлуша.

— Павел Иванович? — строго переспросил я.

— Павел Иванович, — подтвердил он.

— Говорит дежурный Совета Министров, — продолжил я разговор официальным тоном. — Я только что получил указание срочно связаться с вами. Первым же самолетом со Львова в Киев вы должны передать свой личный учетный листок.

— Да вы что, — пролепетал онемевшим от ужаса языком Павлуша. — Где же я вам ночью его возьму?

— Мне приказано вам передать эту информацию, — твердо заявил я, — а вы уж думайте, как исполнить. Подключите своих людей, организуйте транспорт, но чтобы к утру документ был здесь, — и повесил трубку.

Прилетаем мы во Львов на самолете, который через час должен лететь обратно в Киев. Николаенко говорит:

— Ну, сейчас мы встретим Павлушу в аэропорту.

— Ты, думаешь, приедет? — спрашиваю.

— А как же. Он быстро смекнул, зачем личный листок нужен Совету Министров. Небось, решил, что его будут выдвигать, пришло время. Я то уж его хорошо знаю.

И действительно. Мы сошли с самолета, видим — Павлуша с деловым портфелем в руках важно прохаживается по аллее. Ждет.

Подходим, здороваемся, и Николаенко, как ни в чем ни бывало, спрашивает у Павлуши, куда это он собрался в такую рань.

— Да ты понимаешь, — взволнованно ответил он, — хотят меня, наверное, наверх «двинуть», сказали срочно личный листок передать в Киев.

— Ну, какой же ты все-таки недотепа, — всплеснул руками Николаенко и залился смехом. — Это же мы тебе ночью звонили.

Какими только словами не называл нас бедный Павлуша. Он бегал, как ужаленный, размахивал портфелем и кричал, что пожалуется на нас начальству.

И мне пришлось Павлуше мягко намекнуть, что если он кому-нибудь расскажет о нашем розыгрыше, то все без исключения узнают какой он, Павлуша, все-таки чудак. Поэтому он сам должен быть заинтересован, чтобы ни одна живая душа не узнала о случившемся. Я в свою очередь пообещал, что мы не скажем никому ни слова, если он нас угостит в ресторане праздничным завтраком в честь нашей встречи.

Павлуше ничего не оставалось, как принять это предложение. Мы выпили по рюмке коньячку, помирились и на том разбежались по домам.

И СМЕХ И СЛЕЗЫ. О ВОЙНЕ.

Записка

В селе Тшебиня, под Краковом, у нас был знакомый староста Солтес. Он рассказал моим хлопцам, что немцы приказали к субботе собрать продукты по списку, который они составили. Тогда мы с Солтесом договорились, что я посылаю своих людей в пятницу, и они все эти продукты забирают, чтобы немцам не досталось ничего.

В субботу утром, когда они приехали за провизией, староста показал им мою записку. В ней значилось, что я, полковник Васильев (я так подписал записку) действительно забрал все приготовленные к сдаче продукты, а дальше шел их подробный перечень.

Мы, конечно, переживали, чтобы немцы не расстреляли Солтеса за этот «трюк», но сам он не боялся расправы. И, действительно, Бог его миловал. Немцы только пригрозили ему, велели собирать продукты снова и уехали.

Привычка

На хуторе Явожже жили гурали (этнографическая группа поляков, живущих в горах). Они были настолько бедные, что даже зимой по снегу ходили босиком. Мне было жалко этих гуралей, и я приказал своим хлопцам пробраться в Мислиницы, где находилась обувная фабрика, снять охрану и забрать всю обувь, какая попадется.

Операция прошла блестяще — фабрика охранялась какими-то калеками-немцами, и не составляло труда их обезвредить. Наши ребята погрузили всю обувь на две подводы и привезли ее на хутор. Ботинки, сапоги и туфли были розданы беднякам, за что они были очень благодарны.

А через неделю мы заехали к ним и стали свидетелями такой картины. Гурали шли в церковь босиком, как обычно, и только перед храмом одевали обувь.

Новый Год

Перед Новым, 45-ым годом, когда до прихода наших войск оставалось две недели, ко мне пришел Герард Возница — руководитель нашего соседнего партизанского отряда Армии Крайовой с деловым предложением. Чтобы отметить Новый год, его ребята предложили конфисковать у немцев водку прямо с завода.

Я категорически отказался. Сказал Герарду, что не хочу рисковать жизнью людей, а без водки мы обойдемся. Но тут ко мне обратились уже наши хлопцы, во главе с Близняковым, смелым парнем из Белоруссии, который руководил диверсионной группой. Они предлагали все — таки «увести» водку с завода и были уверены в успехе. Им стало известно, что это предприятие охраняется немцами, которые попали под тотальную мобилизацию и потому не представляют никакой опасности для наших «орлов». Пришлось согласиться.

И действительно, все прошло без единого выстрела. Немцев легко обезоружили, и они же помогли даже грузить водку в ящиках на подводы.

Водку «Ежембе» (так называлась эта местность) поделили честному, согласно количеству людей. У Герарда было 300 человек, поэтому он забрал основную часть, а мы взяли свою порцию на 40 человек.

Я предложил вожаку польских партизан закопать пару ящиков этой водки в лесу, а потом встретиться уже после войны и распить ее совместно за победу. Так и сделали. Я взял своих «понятых», Герард своих представителей, чтобы не все видели, куда мы собираемся закапывать ящики.

А через несколько дней после Нового года я решил проведать место нашего «клада», не покусились ли на него наши польские собратья. Взял Близнякова для компании, и мы пошли на это место. Никакой водки там уже не было.

Говорю потом Герарду: «Как же не честно Вы все — таки поступили». А он мне отвечает: «Не беспокойся, капитан, твою порцию мы оставили...».

Гришка

У меня в разведывательной группе был Гришка — смелый и отважный, просто героический парень. Любые задания выполнял безотказно. Единственный был у него недостаток — любил выпить. А у меня в группе был сухой закон. Я позволил своим разведчикам выпить только два раза — на 27-ю годовщину Октября в 44-ом и на Новый год в 45-м, когда мы все вместе устроили небольшое застолье, находясь еще во вражеском тылу.

И вот с одного задания Гришка явился пьяным, причем изрядно перебравши. У нас было наказание за такие вещи строжайшее. Может быть, сейчас комуто покажется это смешным, но наказывали сами ребята — давали «горячих» (били палками). В случае же с Гришкой я принял решение посадить его в яму изпод картофеля. И охранять его поставил Гатаулина Сашу, который был родом из Башкирии, нашего повара.

Среди ночи, чтото мне не спалось, и я подумал, что напрасно я держу Гришку в яме, надо его оттуда вытащить, пусть отдохнет. Одним словом, решил его помиловать. Взял с собой хлопцев, и мы пошли к месту заключения моего подопечного.

Открыл крышку ямы, присветил фонарем и увидел, что никакого Гришки там нет. И при этом охранник, Сашка, добросовестно стоял с автоматом и стерег пустую яму.

— А ты чего здесь стоишь? — спрашиваю его.

— Гришка сказал, что к утру вернется.

Оказалось, что наш герой пошел на свидание к девушке Стефе. За находчивость я его простил, а вот повара пришлось посадить в яму.

Широка страна моя..

В ноябре 44-го мы отмечали 27-ю годовщину Великой Октябрьской революции, находясь во вражеском тылу. Это был тот редкий случай, когда я разрешил своей группе организовать небольшое застолье и выпить спиртное.

По этому случаю, Алеша Шаповалов пришел на нашу базу и, сидя за столом, рассказал такую историю.

Как оказалось, он решил угостить нашего осведомителя Гартмана праздничным завтраком и привел его в усадьбу Юзефа Скомского, который в тайне от отца помогал нашей группе, снабжая продовольствием.

Через некоторое время жители села услышали, как кто-то громко запел: «Широка страна моя родная...». Никому не могло даже в голову прийти, что пел ее гитлеровец, немецкий офицер после хорошего угощения.

Алеша, конечно, получил взбучку, потому, что в этом селе Санка находилась наша радиостанция, и приводить туда Гартмана и тем более знакомить его с Юзефом, было полным безумием.

«Вудка wyborова»

Когда мы попали в Краков через 20 лет, Згибнев Сколицкий, мэр города делал прием в нашу честь. В числе приглашенных были представители элиты Кракова — известные ученые, артисты и спортсмены. Наша делегация состояла из участников разведывательной группы, оставшихся в живых.

Во время приема мэр провозгласил тост за дружбу между нашими народами (на русском языке, которым хорошо владел), и нужно было сказать ответное слово. Поскольку я уже выступал перед этой аудиторией, я сказал Алеше Шаповалову, моему болевому заместителю, чтобы речь сказал он.

Алеша приободрился, поднял рюмку и попытался в знак уважения говорить на польском языке. Во время войны мы говорили на польском, но это был «лесной» язык, совсем не предназначенный для ушей национальной элиты. И когда Алексей стал вперемишку употреблять польские, немецкие и украинские слова, Сколицкий не выдержал. Он взял моего товарища за рукав пиджака и тактично предложил ему перейти на русский, объяснив тем, что по-польски он «ниц не понимает».

На этом же приеме присутствовал полковник Армии Крайовой Побук, наш знакомый по тылу, с которым мы вместе были на свадьбе (я допустил тогда неоправданный риск). И вот этот полковник наливает два фужера, один отдает Алеше Шаповалову и предлагает выпить за «За вечно пшиязнь радянско—польску». Все поддержали тост аплодисментами.

Алексей смело взял фужер и говорит: «Когда у нас пьют за дружбу, то меняются бокалами», — и поменял фужеры местами. Он просто заметил, что полковник наливал себе воду, хотя старался делать это незаметно. Шаповалов же одним махом опустошил этот фужер с водой, крякнул, как полагается для публики, и прокомментировал: «Бардзо муцна вудка выборов польська». Ни у кого не осталось сомнений, что он выпил крепкий напиток.

Полковник же отхлебнул, сколько смог, а дальше не идет. Но тут стали все скандировать: «До дна, до дна!». И ему пришлось выпить до дна, чтобы не ударить в грязь лицом. До конца вечера он сидел уже не за столом, а под ним.

«Богатыр»

С Алешой Шаповаловым связано много курьезных случаев, такой уж он был человек. Один из них произошел во время съемки фильма, который делали москвичи о нашей разведывательной группе «Теперь их можно назвать».

На съемки пригласили очень много людей, участников событий, связанных со спасением Кракова. По замыслу режиссера мы встречаемся все в лесу и в непринужденной обстановке сидим, общаемся, выпиваем, закусываем.

Алеши Шаповалова на этой встрече не было, его задержали партийные дела и он не смог приехать. И вот в такой задумчивой обстановке поднимается наша связная из Польши, Янка, которой во время войны было 17–18 лет и говорит:

— Какой же, уважаемое панство, он герой? Какой «богатыр?», — имея в виду Алешу Шаповалова.

От неожиданности все замерли, и только камера продолжала делать свою работу.

— Однажды был такой случай, — стала рассказывать она. — Я шла на встречу с капитаном Михайловым и остановилась в конспиративной землянке. Ночью туда пришел этот «богатыр» и мы ночевали там вместе. Но, прошу прощения, уважаемое панство, этот «богатыр» кроме хлеба у меня «ниц не просив».

Хохот поднялся страшный.

Возвращаюсь я с этой поездки, звоню Алеше в Кировоград и говорю ему:

— В Кракове, Алеша, тебе уже нечего делать, можешь о нем забыть навсегда.

— А что, чего это вдруг? — услышал я недовольное бурчание друга.

Ну, я ему и рассказал, как Янка выдала про него на съемках фильма. У него был шок, а потом он с трудом выдавил из себя: «Она врет, все было иначе».

А когда Алеша приехал ко мне в гости с женой, и я при ней тоже рассказал этот забавный случай, появилась третья версия произошедшего. «Кому чего не хватало, — сказал Алексей, — тот то и просил».

Папаша

Закончилась война. Мы были размещены в Крайсбурге на конспиративных квартирах. Любые знакомства нам были категорически запрещены. Алеша Шаповалов все же познакомился с одной чешкой, радисткой из другой группы. Он очень все конспирировал, чтобы не знал наш генерал или полковник.

И вот однажды он пошел к этой чешке на свидание. И, когда он находился в ее квартире, в дверь кто-то постучал. Со словами «Ой, это идет наш папаша!» девушка вытолкнула Алешу на балкон и пошла открывать дверь своему шефу, полковнику, который, очевидно, тоже заглядывал к ней время от времени.

И получилось так, что Алеша стал невольным слушателем их общения. Помимо того, что полковник пытался рассказать чешской девушке насколько глубоко его уважение к ней, он еще ей сказал, что будет назначен военным атташе в Прагу.

То есть, что их отношения могут иметь перспективу.

Пикантность ситуации имела свое продолжение. Этот полковник пришел к нам, принес какие-то продукты, мы сидели в моей комнате, разговаривали. И тут вдруг Алеша, ненавязчиво задает ему вопрос: «А что, Вы действительно назначены военным атташе в Прагу?». Далее последовала немая сцена.

Зарплата

Уже в мирное время мыс Алешей Шаповаловым были приглашены на встречу в Генеральное консульство Польши в Киеве по случаю очередной годовщины Войска Польского. Уровень меро-

приятия был высочайший. Присутствовали первые лица наших партийных и силовых структур.

Алеша провозгласил тост за дружбу между нашими народами, а потом, «потянув» лишнюю рюмку и раскрепостившись, вдруг заявил:

— Когда я работал в Абвере, получал больше, чем сейчас в обкоме партии (он был заворгом Кировоградского обкома).

В то время такая откровенность могла стоить Алеше головы. За такие слова его могли запросто посадить в тюрьму. Но все обошлось. Видимо, никто из присутствующих высокопоставленных персон не посмел причинить вред такому обаятельному и открытому человеку.

Варшавская история

Варшавское телевидение в 2009 -м году снимало фильм о деятельности группы «Голос» и о спасении Кракова. Съёмочная группа приехала из Варшавы. Режиссером и сценаристом фильма была Галина. Я спросил ее в полшутку, почему они так опоздали с фильмом о подвиге советских разведчиков, ведь после войны прошло уже больше 60 лет. Она мне ответила, что в Польше воспитание молодежи является одной из серьезнейших проблем. Когда их страна стала членом объединенной Европы, молодежь массово стала уезжать на заработки в другие страны, появились и другие проблемы. Патриотическое воспитание поляки решили возрождать на примере советских разведчиков. Так и возникла идея создания фильма.

Во время съемок группа планировала находиться в моей квартире три дня. Я согласился только на один. Но он мне очень дорого стоил. Мое интервью длилось около 10 часов. И вот в самом конце съемок Галина вдруг сказала: «Евгений Степанович, покажите Ваш пистолет, подаренный Министром обороны».

Пистолет у меня действительно был, подаренный к моему 90-летию. Правда я сказал, что заказывал бронетранспортер, и все присутствующее очень веселились по этому поводу. Остановились на пистолете «Вальтер-9».

Пистолет моим гостям понравился, они крутили его в руках, с интересом читали дарственную надпись. А потом режиссер мне неожиданно заявляет: «Возьмите пистолет в правую руку и цельтесь в меня». Я был ошарашен, совершенно не понимая к чему все это, но выполнил ее просьбу.

Когда оператор закончил снимать этот эпизод, Галина спросила:

— А знаете, чем будет заканчиваться мой фильм? — В ответ я только покачал головой.

— Вы нацеливаете на меня пистолет, — протягивая вперед руку объяснила она, — и говорите такой текст: «Если ты мне задашь еще хоть один вопрос, я тебя пристрелю...»

НА ОТДЫХЕ

Чеснок

Обычно летом мы отдыхали вместе с женой Катериной. Но несколько раз случалось так, что я ездил и один. Запомнился мне один случай, произошедший со мной в Гаграх в санатории «Украина».

В столовой меня посадили за столик, где сидели три дивчины, причем все три были секретарями обкомов комсомола. Они всегда опаздывали на ужин, потому, что долго приводили себя в порядок. Быстро ели и бегом бежали на танцы.

Наблюдая эту картину ежедневно, мне пришла в голову одна идея. Еду в санатории приносили официанты, а вот на отдельном столике всегда стояли овощи, приправы, которые можно было брать, сколько хочешь в дополнение к еде по своему вкусу. И вот я несколько дней подряд добавлял в закуску моих соседок по столу немного чеснока.

Понятно, что моя нехитрая манипуляция, естественно, возымела свой резонанс. Симпатичных девушек перестали приглашать на танец.

Тогда они стали допрашивать с пристрастием официантку Аллу, зачем она им кладет в еду чеснок. Та была в недоумении, и тогда все дружно посмотрели в мою сторону. Я был разоблачен.

Нарзан

А когда я отдыхал в Кисловодске, со мной за столом сидел начальник областной автоинспекции из Херсона. Симпатичный такой человек, не лишенный к тому же чувства юмора. Через несколько дней к нам посадили еще одного человека, тоже областного автоинспектора из Николаева.

Все блюда в столовой заказывались на день раньше. И вот мой сосед из Херсона, пользуясь отсутствием своего коллеги из

Николаева, решил подшутить над ним и заказал ему блюда исключительно из овощей. Когда же на следующий день официантка подала ему эту еду, возмущению бедного автоинспектора не было предела. «А почему вы меня этим кормите, я вообще — то не вегетарианец и этого не люблю».

Но веселый автоинспектор этим не ограничился. И когда вновь прибывший коллега его спросил, как нужно правильно принимать нарзанные ванны, тот ему дал ценный инструктаж.

— Во-первых, ты должен перед ванной выпить кефир и съесть булку, которые будут стоять на подоконнике, — начал объяснять инспектор.

— А мыло брать с собой? — поинтересовался новенький.

— Конечно, как же без мыла, — подтвердил тот, — чем ты будешь мыться?

— А в трусах в ванну залезать или без?

— В трусах, не голым же ванну принимать.

И вот начинающий курортник сделал все четко согласно инструкции. Выпил кефир и съел булку, которая выдавалась обслуживающему персоналу санатория за вредность, потом намылился и залез в ванну.

Когда эту картину увидела вошедшая няня, она сказала: «Да, много я здесь дураков видела, но такого вижу первый раз», — и покосилась на пустой подоконник.

ИЗ ЖИЗНИ КОМАНДИРОВОЧНОГО

Кукуруза

Я был в командировке в ГДР. Начальник просвещения пригласил меня на обед домой. Присутствующие, человек 15 все владели русским языком, потому, что кончали московские вузы. Начали рассказывать анекдоты, и вот одна из «немкень» говорит: «А я вам о Хрущеве расскажу». А он тогда был у власти. Слушать анекдоты про генсека, а тем более их рассказывать было не безопасно. Но, что делать? Анекдот был таков:

Никита Сергеевич очень любил футбол и был болельщиком московского «Динамо». Когда «Динамо» стало проигрывать киевлянам, он вызвал капитана и сказал: «Еще раз проиграете, я прикажу переорать стадион и посеять кукурузу».

Притча

Эту притчу я услышал на одной из вечерних посиделок в Женевской гостинице, на которой присутствовали делегации стран. Рассказала ее заведующая отделом народного образования Новгорода Носкова:

— Все вы знаете, как появились первые люди, — начала она. — Бог создал Адама и Еву, а потом стали появляться и другие люди. Все они были умные. Но умным, как известно, скучно без дураков. Тогда Адам и Ева обратились к Богу, чтобы он сотворил пару дураков. Он это сделал. Дураки стали плодиться более активно, поэтому баланс был нарушен.

— Тогда Бог, — продолжила Носкова, — умных погрузил в первый контейнер, а дураков во второй, чтобы отправить на Планету Земля для дальнейшего ее освоения. По дороге люди из первого контейнера стали петь: «Мы умные, мы умные...»

— Вы знаете это песню? — спросила рассказчица у присутствующих. — Нет, — ответил я один из первых.

— Тогда Вас в первом контейнере не было. Вы, очевидно, со второго.

Все, конечно хохотали. Мне понравилась эта хохма, и я ее однажды повторил, будучи в гостях, где присутствовал директор Киевской оперы (почему-то пришел с собачкой). Когда мы дошли до вопроса: «Знаете ли Вы эту песню», он первым крикнул: «Нет!». А когда я ему объявил, что он «из второго контейнера», он демонстративно поднялся, взял свою собачку и ушел.

«Насчет второго контейнера я все-таки не ошибся», — подумал я.

Доброе утро

Был я в командировке в Венгрии по линии общества «Знание». В Будапештском университете читал лекцию «Народное образование в СССР», а потом меня пригласили выступить также перед пограничниками. На этой встрече я познакомился с Командующим войсками и его женой, которая была родом из Ленинграда. Встреча была теплой и запоминающейся.

После этого меня проводили на вокзал и посадили в поезд. А на границе, в 5 часов утра, ко мне в купе постучали. От неожиданности и со сна я не мог понять, в чем дело, накинул пиджак и открыл дверь.

— Доброе утро, Евгений Степанович, — с улыбкой сказал мне проводник. И когда я непонимающими глазами продолжал на него смотреть, он объяснил:

— Командующий войсками просил обязательно Вам сказать «доброе утро».

Цыгане и космонавт

С космонавтом Титовым я познакомился в Белоруссии. Я возглавлял делегацию Совета мира Украины на встречах с польской молодежью, которая проходила в Белоруссии. А Титов был в составе делегации Совета мира ССР. По настоящему мы познакомились в Минске.

Я был закреплен за делегацией Румынии, а Титов был закреплен за болгарами или венграми. Он в то время любил «добрыче врезать». И вот на ужине, в ресторане, я сижу со своими подопечными румынами. Ко мне подходит Титов, хлопнул меня по плечу и говорит: «Слушай, майор, чего ты с этими цыганами сидишь? Пошли по сто грамм выпьем».

Я не знал, куда мне деваться, ведь румыны хорошо владели русским языком.

Приглашение на примерку

Мы с Рустамом Юсуфбековым вместе были в поездке по Англии. Нас пригласил английский Совет, и перед нами стояла задача познакомиться с их системой просвещения с целью заимствования передового опыта. Состав делегации был такой: Первый заместитель министра просвещения ССР, Рустам Юсуфбеков — Министр просвещения Таджикистана, переводчица и я.

Это был март 1968 года. Помню, что когда мы прилетели, то в Гайд-парке трава уже была зеленая. Возле этого знаменитого места нас поселили в гостиницу.

Рядом располагался один из самых крупных в Англии универмагов.

Делегацией мы были безвалютной и мало что могли себе позволить из покупок. Из карманных денег нам выдали 40-50 фунтов (1 английский фунт тогда приравнялся к нашим 4 рублям), а проживание и питание было за счет англичан. Примерно столько же нам добавил Английский Совет. Тогда каждая заграничная поездка сопровождалась ажиотажем в части покупок, ведь у нас много не было из того, что продавалось за рубежом.

В первый же день я купил в этом универмаге два платья для своей жены и еще что-то. Одним словом, полностью потратил весь денежный резерв. Через несколько дней ко мне в номер зашел Рустам Юсуфбеков и предложил пойти в универмаг. Я спросил его, есть ли у него деньги, потому, что свои я уже «спустил». Оказалось, что у него та же история.

Однако, этот универмаг имел одну особенность. В нем на подиуме расхаживали манекенщицы, которые по просьбе покупателей примеряли на себя ту или иную вещь. Вот Рустам и пригласил меня пойти посмотреть на эту примерку.

Голая реклама

Во время этой же поездки мы посетили киноконцертный зал Лондона, куда нас пригласили в рамках культурной программы. Однако, зрелище, которое мы увидели, нас мягко говоря, обескуражило.

В первом ряду зрительного зала сидели приличные, хорошо одетые девушки. Мы сидели недалеко от них, во втором или третьем ряду. И вот, когда началось представление, они вдруг неожиданно начали раздеваться догола. В зал заскочила полиция и вывела этих голых женщин. Такого «чуда» мы еще не видели.

На следующий день во всех английских газетах появились статьи с кричащими заголовками об этом инциденте. Оказалось, что это была всего на всего реклама спектакля, который зрители пришли увидеть.

ДРУЖЕСКИЕ ШУТКИ

Гоноровый генерал

У меня есть один знакомый — очень гоноровый генерал, который всегда любил подчеркнуть свое преимущество во всем. Я с ним дружил и любил иногда подшутить над ним.

1 Апреля я позвонил ему утром рано и сказал, что слышал лично по радио важное объявление — сегодня по Первому каналу телевидения будут передавать очень важное обращение Правительства к народу. Генерал меня уверил, что будут с женой непременно слушать, и поблагодарил меня за звонок.

В результате бедный генерал присидел вместе с женой перед телевизором полдня в большом напряжении, а когда догадал-

ся, что это был первоапрельский розыгрыш, очень рассвирепел. Даже слова всякие начал употреблять. Пообещал, что впредь никогда не поддастся на мои уловки.

На следующий год я позвонил ему 8 Марта и ненавязчиво рассказал, что был в его районе и случайно купил в гастрономе, возле его дома, 10 пачек краснодарского чая. Генерал был большим любителем этого чая, а в советские времена это был страшный дефицит.

Он тут же пошел в гастроном за покупкой, но продавщицы ему объяснили, что такого сорта чая нет и уже сто лет не было. Но генерал им не поверил и стал уличать работников торговли в жульничестве и скрытии дефицитных товаров.

Когда же он узнал, что и это было вранье, то твердо пообещал, что больше вообще никогда не будет меня слушать. Тогда на третий год я ничего не говорил, а написал ему письмо, как председателю районного общества охотников, якобы от охотников Польши. В письме содержалась всякая всячина, но выглядело оно вполне правдоподобно, поэтому и на сей раз генерал попал впросак.

Высокое звание

В Братиславе я познакомился с одним человеком, он тогда находился на дипломатической службе, был генеральным консулом. Мы сдружились, выяснили, что во время войны выполняли похожие задания, только он — по линии органов госбезопасности.

Мы продолжали общаться, и так вышло, что в какой-то момент, когда мне присвоили звание генерала, он по своему статусу оказался ниже. С одной стороны это не имело значения для наших отношений, ведь когда мы познакомились, я по фильму был майор (Вихрь), а в действительности капитан.

Но все же, я почувствовал, что он позавидовал мне хорошей, белой завистью, ведь и он был достоин высокого звания, просто по его линии дело не продвигалось так активно.

И вот он позвонил по случаю моего повышения и с некоторой иронией в голосе говорит:

— А ты знаешь, кому присваивают звание генерала?

— Нет, — говорю, — не знаю, расскажи.

— Звание генерала, — таинственно произнес он, — сейчас присваивают полковнику, ... который выжил из ума.

Вот так своеобразно он поздравил меня с присвоением высокого звания. Я не обиделся. Более того, этой шуткой я вос-

пользовался во время того, как меня принимали в генеральское сообщество (как оказалось и такое существует!). Все присутствующие генералы, узнав истину о происхождении своего звания, смеялись до слез. Все — таки, какие у нас настоящие генералы!

Ай да, Пушкин!

Теперь в Горном институте, где я проучился два года, меня сделали почетным профессором. А когда — то я выступал там перед молодежью Днепропетровска, как разведчик. И вот Пушкин, который в то время был секретарем Днепропетровского Обкома комсомола, в конце говорит: «Уважаемые товарищи, вы знаете, что завтра у Евгения Степановича защита кандидатской диссертации в Университете Шевченко? Помолимся, товарищи комсомольцы за его успех!».

Пушкин и сейчас живет и здравствует. Он профессор, ученый. Памятник его отцу, генералу Пушкину, который освободил Днепропетровск, установлен в этом городе.

Два глухаря

Я начальник управления Министерства. Ко мне заходит мой приятель, директор одной школы и спрашивает меня, как ему пройти в отдел интернатных учреждений. Я ему объясняю, как найти нужного человека, и, между прочим, замечая, что этот человек плохо слышит.

— Учту, — говорит мне приятель и выходит из кабинета. Тем временем я поднимаю внутренний телефон и точно так же предупреждаю заведующего отделом, с которым я тоже был в приятельских отношениях, что у него сейчас будет глуховатый визитер.

— Помоги ему, пожалуйста, — попросил я приятеля, — только имей в виду...

— Я все понял, — пообещал он.

Через несколько минут в коридоре раздались дикие крики. Это мои знакомые пытались поздороваться друг с другом.

Потом, конечно, мы собрались вместе, и я признался им, что это был розыгрыш. Они тоже посмеялись.

Командарм

Есть у меня знакомый генерал-лейтенант. Мы с ним в дружеских, прекрасных отношениях. Он был командармом армии в Афганистане, получил орден Кутузова и другие награды, в общем, знаменитая личность.

В прошлом году было какое-то торжество, и за мной Главное управление разведки прислало машину. Молодой офицер, который прибыл меня забрать, сказал, что по дороге заедем за командармом.

А у него комплекция довольно внушительная. И вот когда он сел в машину, я его попросил, чтобы он не становился со мной рядом, когда нас будут фотографировать

— Почему? — удивился он.

— Альбом не закроется, — объяснил я.

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Песня брянских партизан времен Брежнева

Леня Брежнев и Подгодный

Нахлестались отборной,

А наутро эти рожи

Водку сделали дороже.

Хрущев

Спутник, спутник ты могуч,

Ты летаешь выше туч,

Забери с собой Никиту

И на радость всей земле

Подари его Луне.

Горбачев

Горби на море купался,

Глядь — путчисты, испугался.

Туалета не нашел,

А процесс уже пошел.

МОЯ ОППОЗИЦИЯ

Я был в оппозиции всю жизнь. Сначала к собственному отцу, потом к невеждам, к советской власти. Никогда не хотел подчиняться людям несведущим и дуракам.

В детстве я был драчуном. Серьезно дрался и всегда побеждал. Но один раз мой соученик угодил камнем мне прямо в висок. На всю жизнь остался шрам от этого удара. Я потерял сознание и много крови, меня ели спасли. Но я не остался в долгу. После выздоровления, я его тоже «учил» уму-разуму. После этого, я думаю, он больше в людей камнями не бросал.

А вообще-то, люди говорят, что я по характеру человек добрый и отзывчивый. Сочувствую каждому, кто попал в беду, пытаюсь помочь. Своим студентам, своим приятелям помогал неоднократно.

А еще всегда был человеком солидарным и товарищеским, любил общество. Для меня общение с людьми было одним из источников моей энергии и моим жизненным кредо. Я и сейчас, не смотря на состояние здоровья и возраст, с удовольствием и интересом общаюсь.

Несколько дней назад я давал интервью военным телевизионщикам, в начале которого у меня было давление 190 на 120. Я, правда, положил под язык «спасательную» таблетку и целый час беседовал с этими товарищами. Померил давление – 160 на 80. Общение лечит.

Не приемлю хамства, «зверхности» и тупоумия. Никогда не терпел и сейчас не терплю негодяев, невежд, воров, разгильдяев и «перевертнив». К большому сожалению, в нашем обществе их появилось довольно много. Они мешают формированию молодого поколения, воспитанию в них патриотизма.

Невежественные приказы

Будучи руководителем группы разведчиков, на Краковской земле, я иногда получал нелепые приказы. Одним из них был приказ передислоцировать радиостанцию в район Кракова. Я от-

ветил так: «Выполнить Ваш приказ не могу. В Кракове сильная пеленгационная служба».

А что такое не выполнить задание во время боевых действий? Это трибунал. Расстрел. Но я на это пошел, потому, что считал, что иначе нельзя.

Получил я и такую радиограмму: «Создавать диверсионную группу запрещаем. Вы должны всю свою группу легализовать». Я опять же отвечаю, что выполнить это задание не могу, поскольку диверсионная группа помогает мне доставать языки и выполнять другие задания по линии военной разведки. И в этом случае я рисковал попасть под трибунал. Но я это делал. Потому, что таков мой характер и моя «вдача».

Уже после окончания войны ГРУ одобрило мою инициативу по созданию диверсионной группы.

Когда я рассказываю об этих моментах современным разведчикам, чувствую, что начальство не очень довольно. Якобы я ориентирую молодых разведчиков не в том направлении. Но это не так, помыслы мои совершенно другие. Приказы нужно выполнять, безусловно и безоговорочно. Но невежественным законам и приказам подчиняться не надо. И если наше общество приобретет такое качество, то оно станет совершенно другим.

Генерал и молокосос

После войны Первым секретарем Львовского Областного комитета партии был Грушецкий Иван Самойлович. Он вернулся с фронта генералом, в генеральском мундире и стал вести себя по-генеральски. Мне это не импонировало абсолютно, хотя по должности я был от него далековато.

Однажды я был приглашен на заседание бюро Областного комитета партии. Передо мной поставили задачу: распределить детишек 6-ой школы (1400 человек) по другим школам, чтобы освободить здание для партшколы.

Я поднимаюсь и объявляю присутствующим, что выполнить задание Областного комитета партии невозможно, потому что школы переполнены и детей девать некуда. А если такое решение будет принято все равно, я выполнять его не буду.

Генерал тогда дико рассвирепел и стал орать: «Молокосос! Не будем тебя спрашивать, решим этот вопрос без тебя! Все, свободен!».

По дороге домой я зашел на телеграф и отправил в ЦК КПСС, в Москву, телеграмму, в которой кратко изложил суть дела.

На следующий день Центральный комитет отменил решение Обкома. После этого Грушецкий начал со мной считаться и настоял на том, чтобы меня назначили руководителем идеологического отдела. А сам он через некоторое время стал Председателем Верховного Совета Украины. И я, работая уже в Министерстве образования, часто заходил к нему. Будучи человеком умным, он еще тогда понял, что я не дал совершить ему крупную политическую ошибку.

Нелепое задание

Когда я работал в Министерстве образования, был такой случай. Секретариат центрального комитета партии сформировал комиссию, которой было поручено выехать в Херсонскую область, в село Чернобаевка (там родился Первый секретарь ЦК партии Кириченко) и дать свои предложения относительно того, как сделать этот населенный пункт самым показательным на Украине.

Эту «важную» делегацию в Херсон возглавил Червоненко – секретарь ЦК по идеологии. Поучаствовать в этом деле пригласили и меня, как начальника Главка, хотя в состав комиссии входили, в основном, министры и их заместители.

Две недели мы «работали» в селе и «думали», чтобы с ним такого сделать, чтобы оно было самым красивым и богатым. Самые рьяные служаки и подхалимы стали вносить свои предложения, в том числе глупые и нелепые. Было предложение для села создать свою машинотракторную станцию, кто-то предложил снести эти «халупы» и построить все заново, предлагалось также возвести современную лечебницу.

А когда руководитель группы вызвал меня и спросил, что предлагает Министерство образования, я ответил, что школа в селе построена в позапрошлом году и укомплектована высококвалифицированными учителями. В школе также имеются необходимые кабинеты и учебники. «Поэтому, - сказал я, - отдельную программу для этой школы делать не будем».

Разозлился тогда руководитель нашей группы и швырнул в сердцах стопку бумаг, которая разлетелась в разные стороны.

- Я не думал, что Вы так безответственно отнесетесь к поставленной задаче, - распекал он меня.

- То, что я думаю, я Вам изложил.

- Идите, - властно закончил он беседу со мной.

Я переступил через разлетевшиеся бумажки, пересек длинный кабинет и, хлопнув дверью, ушел.

Когда пришел домой, пересказал все, что произошло жене. «Завтра тебя уберут к чертовой матери», - спрогнозировала она. Но на следующий день мне позвонил сам Червоненко и предложил зайти к нему, если я располагаю временем.

Я им располагал и зашел к нему, как будто между нами ничего не случилось. Он поднялся мне навстречу со словами извинения: «Простите, я был не прав. Я долго думал об этом, и сейчас прошу у Вас прощения».

А потом через некоторое время я возглавлял делегацию Министерства просвещения по линии ЮНЕСКО в Париже. Как оказалось, Червоненко стал послом СССР во Франции, и, узнав, что я в Париже, прислал мне своего водителя и сопровождающего человека, который знакомил меня с этим прекрасным городом.

Тоньчик

В одно время министром образования был назначен Удовиченко. Милый человек, который работал на дипломатической службе в ООН от Украины. Он порядком отстал от просвещенческих дел, но начал руководить по-настоящему: с окриками и грубостью.

Через некоторое время он вызвал меня на разговор. Разговор не вязался, и он начал повышать тон и говорить что-то вроде того, что «мышце посмотрим» на деятельность моего управления.

Тогда я поднялся со словами: «Говорить с Вами больше не буду. Не привык к такому обращению».

После этого инцидента он тоже поумнел. Правда, получил еще один урок от директора Института психологии – профессора Костюка.

Когда новоиспеченный министр собрал нас в зале и стал давать указания, что мы должны делать, Костюк поднялся и сказал: «Петр Платонович, я бы Вам посоветовал послушать нас, что Вам нужно делать, а не давать нам указания. Потому, что Вы отстали от современной системы образования и не знаете ее».

Впереди паровоза

Мое педагогическое творчество было бурным и непонятным для многих. Писать статьи я начал еще во Львове, когда заведовал горотделом народного образования. Одна из самых удачных публикаций называлась «Повысить ответственность родителей в воспитании детей». Эта тема и сейчас остается очень актуальной.

Я был членом редколлегии московского журнала «Народное образование» 20 лет. На его страницах в течение одного года выходило как минимум две моих работы.

Такое количество моих публикаций не давало покоя одному чиновнику – Надольному, заместителю Министра образования. «Что это ты бежишь впереди паровоза», - говорил он мне. Были негодования и зависть.

В итоге меня решили заслушать на Коллегии министерства и поинтересоваться, почему я так много печатаюсь и не в рабочее ли время я пишу свои статьи. Я был, мягко говоря, ошарашен. Ведь к тому времени я был награжден высокими правительственными наградами, труд мой был признан. Я всегда тщательно планировал свое время и ставил перед собой задачу: за неделю написать 10 страниц на актуальную тему. Это был мой личный план жизнедеятельности.

На коллегии мой вопрос стоял третьим. Когда до него дошла очередь, поднялся министр и торжественно объявил: «А теперь послушаем Евгения Степановича». Я встал со своего места и ... вышел из зала заседаний. Все были в шоке.

Больше никогда разговоров на эту тему не было. И я, как и прежде, продолжал писать. Делаю это и сейчас.

Отказ

Лет 10 тому назад пригласили меня выступить в полку внутренних войск, расположенный на Печерске, по случаю Дня Победы.

Пока в зал собирался народ, командир полка предложил посмотреть их «свитлицю», которую они оформили к 9 Мая.

Я зашел и увидел на стенах портреты гетманов Украины. Больше никого там не было - ни наших маршалов, ни героев Советского Союза.

- Я у вас выступать не буду, - сказал я твердо. От неожиданности командир полка изменился в лице.

- Я участвовал в Великой Отечественной войне, - продолжил я, - и здесь я нахожусь в связи празднованием Дня Победы. Ни одного плаката, ни одного портрета тех, кто эту победу добывал, я не вижу. Если Вы отдаете почести только гетманам, то я не имею морального права здесь выступать.

Командир полка взмолился и начал горячо уверять меня, что завтра же здесь будет висеть портрет Жукова и портреты других выдающихся военачальников и просил все-таки выступить.

Я выступил. В зале собралось очень много людей – около тысячи.

Незадолго после этого неприятного инцидента мне пришлось лететь в Краков в составе делегации, которую возглавлял Александр Кузьмук, в то время Министр обороны Украины. Так получилось, что в самолете мы сидели с Кузьмуком рядом, и я поделился с ним своими впечатлениями об увиденном в полку внутренних войск.

- Не может быть, - удивился он и коротко добавил, - я разберусь.

Через некоторое время из Министерства обороны действительно пришла директива, благодаря которой был наведен порядок в этом вопросе, и справедливость восторжествовала.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Прочитав предложенную книгу, читатель, возможно, откроет Евгения Степановича Березняка для себя с новой, неизвестной до сих пор стороны. Как это случилось со мной.

До личной встречи с Евгением Степановичем я многое знал о нем, прочтя в своё время его книги: «Я – «Голос», «Пароль – «Dum spiro...», «Операция «Голос». Неоднократно смотрел художественный фильм «Майор Вихрь», прототипом главного героя которого стал Березняк.

Меня глубоко поразили личные и профессиональные качества этого легендарного и неординарного человека, который, не будучи кадровым разведчиком, навечно вписал свое имя в историю военной разведки.

Популярность неожиданно пришла к Евгению Березняку в шестидесятые годы, когда известный писатель Юлиан Семенов выписал из него образ майора «Вихря» в своей одноименной героико-приключенческой повести. Таким образом, впервые через долгие годы после войны была открыта правда о деятельности Евгения Степановича как военного разведчика. Но что важно, этот человек всегда оставался Березняком, простым украинским парнем, который прошел через бурные, порой трагические, порой счастливые годы XX века. Он всегда иронически улыбался, когда его называли майором «Вихрем». Ему больше по душе было быть тем, кем он проходил по списку разведотдела 1-го Украинского фронта – «капитаном Михайловым», командиром разведывательной диверсионной группы «Голос».

Ярко и четко деятельность Березняка как разведчика описал один из руководителей партизанского движения на Северо-Западном, Юго-Западном и 3-м Украинском фронтах генерал-майор А.Н.Асмолов в своей книге «Фронт в тылу Вермахта»: «Действуя нередко в одиночку, Е. С. Березняк совершал смелые диверсии и наносил ущерб врагу везде, где только мог. Евгения Степановича отличали хладнокровие и дерзость, риск и находчивость, знание немецкого языка. После выхода группы «Голос» из вражеского тыла командование фронта дало такую оценку её деятельности: «Материалы, полученные от группы, которая действовала в исключительно тяжёлых условиях, были чрезвычайно точны и важны, что впоследствии подтвердилось в ходе боевых действий».

До сих пор все данные о деятельности группы Березняка, в том числе о спасении Кракова, хранятся с грифом «Хранить вечно, уничтожению не подлежит».

Несмотря на то, что в первую очередь мы воспринимаем Евгения Березняка как военного разведчика, не менее значительны успехи его и на педагогической ниве – кандидат педагогических наук, заслуженный учитель УРСР, почетный академик Академии педагогических наук Украины. О его педагогической и творческой деятельности мы можем узнать из более чем 100 научных публикаций, посвященных вопросам управления в системе народного образования, обучения и воспитания учащихся.

На протяжении многих лет Евгений Степанович ведет активную общественную работу, является внештатным консультантом комитета по вопросам науки и образования Верховной Рады Украины и членом Совета ветеранов столицы.

Большой честью для себя я считаю личное знакомство с Евгением Степановичем Березняком.

Мы часто встречаемся, обсуждаем различные вопросы, советуемся, ведь в свои 96 лет Евгений Степанович Березняк удивительно бодр, ясен умом и тверд памятью. И, несмотря на все выпавшие на его долю тяготы, обладает искрометным чувством юмора и благодарит судьбу.

А судьба у Евгения Степановича – как сложный узор в калейдоскопе, где есть место и героическим подвигам, и многолетнему самоотверженному труду на педагогической ниве, и множеству невероятных событий.

Евгений Степанович Березняк – человек, которым гордится весь личный состав Главного управления разведки Министерства обороны Украины. Всенародно любимый и уважаемый легендарный ветеран-разведчик, прошедший через

горнило Великой Отечественной войны, несмотря на возраст, передает свой бесценный жизненный и служебный опыт младшему поколению, пропагандирует лучшие традиции разведки, активно участвует в военно-патриотическом воспитании украинской молодежи.

Начальник Главного управления разведки
Министерства обороны Украины
генерал-лейтенант В. И. Гвоздь

С Евгением Степановичем Березняком я познакомился полтора десятка лет назад на встрече в Главном управлении разведки. Искренне считаю, что Евгений Степанович поистине героический человек. Тот подвиг, который он совершил в годы Великой

Отечественной войны, останется в веках. Он спас многие жизни жителей Кракова – одного из древнейших и красивейших польских городов, а также жизни наших бойцов, которые освободили город. Я за свою 35-летнюю службу в разведке знал многих разведчиков - фронтовиков, но таких исключительно героических людей, как Е.С.Березняк, я встретил впервые.

Он серьезный, великодушный, высокоинтеллигентный человек, обладающий исключительной памятью. Е.С.Березняк в своих выступлениях никогда не пользуется шпаргалками, все идет у него из головы. Память у него изумительная, несмотря на свои большие годы. Его интереснейшие и содержательные рассказы всегда воспринимаются, как правдивые повествования о своей разведывательной деятельности. Евгений Степанович обладает восхитительным чувством юмора. На встречах с ним разведчики иногда до слез смеются с его шуточных рассказов, шуток и анекдотов, в большинстве своем взятых из жизни. А еще он очень великодушный человек, никогда не выпячивает свои заслуги, умеет выслушать и дать добрый совет.

Я часто после войны по делам службы бывал в Кракове и мы с Е.С.Березняком вспоминали ту площадь, рынок Тандета - большой польский базар. Там продавалось все, в т.ч. и менялись деньги самых различных государств. Мы вспоминали замок польских королей Вавель с его подземными ходами, а также крепость Костюшко, которая располагалась на высокой горе. Посредине крепости был насыпан высокий курган метров тридцать высотой, и на его верху находилась обзорная беседка, с которой виден почти весь Краков – величественный и красивый. И все это спас от уничтожения Евгений Степанович со своими боевыми товарищами.

То, что совершил Е.С.Березняк и его разведгруппа, его подвиг останется в памяти многих поколений. И очень ценно, что молодое поколение военных разведчиков Украины помнит и чтит это. Молодцы и ветераны военной разведки. Фонд ветеранов военной разведки под руководством генерал-майора Ю.Т.Левченко и полковника Ю.М.Ярухина всячески помогает нам – ветеранам Великой Отечественной и эту заботу трудно переоценить. Эта книга является еще одним подтверждением их благородной и бескорыстной работы. Мы же, в свою очередь, всегда ради и готовы участвовать во всех начинаниях Фонда, с удовольствием принимаем участие во всех его мероприятиях.

Будучи начальником разведки Центральной группы войск в Чехословакии, Дальневосточного военного округа, а затем Киевского военного округа, я встречал многих военных разведчиков и многих из них воспитал. Встречаясь с ними сегодня, всегда привожу им в пример подвиг Е.С.Березняка. Для молодежи это неиссякаемая память о великом человеке и настоящем разведчике. Я очень рад, что имею такого друга.

Почетный президент Фонда ветеранов военной разведки,
Ветеран Великой Отечественной войны,
генерал-майор в отставке В. Ф. Кузовенко

Изначально замысел нашего авторского коллектива, теперь уже издательского Дома «Военная разведка», был таков: показать Березняка, которого все знают больше, как легендарного разведчика майора Вихря, как человека, незаурядную и притягательную личность. Очень умного, образованного, прекрасного педагога, которому Бог послал такую долгую, насыщенную интересными событиями жизнь.

Эта идея Евгению Степановичу очень понравилась и, спасибо ему большое, он активно взялся за работу. Буквально за несколько месяцев в соавторстве с Мариной Марченко была написана книга его воспоминаний. Думаю, что она вызовет большой читательский интерес не только с точки зрения малоизвестных подробностей его биографии, но и приоткроет тайны богатого внутреннего мира этого уникального человека.

Сегодня майора Вихря знает весь мир. Прежде всего, благодаря его замечательным книгам, издаваемым миллионными тиражами. Но было время, лет 15 тому назад, когда в нашем молодом государстве мало кто помнил о его существовании.

Мне напоминает такой эпизод, который произошел в мою бытность замначальника ГУР МО Украины. В ноябре 1997 года, накануне Дня Вооруженных сил, во время доклада Министру обороны Александру Ивановичу Кузьмуку я высказал предложение использовать в воспитательной работе с молодежью опыт ветеранов разведки, таких, как легендарный майор Вихрь. А его прототипу – Евгению Степановичу Березняку присвоить звание майора, так как по прошествии 52-х лет после окончания войны он, в отличие от своего героя, все еще был капитаном («капитаном Михайловым», как его называли боевые товарищи и польские побратимы).

Министр отнесся к этому предложению с энтузиазмом и благодаря активной поддержке начальника Генерального штаба Анатолия Васильевича Лопаты, историческая справедливость была восстановлена, и легендарный майор Вихрь стал майором не только в кино, но и в реальности. Резонанс этого события был довольно большой и в нашей стране, и за рубежом, особенно в Польше и в России. Все последующие награды и звания Евгений Степанович получал уже без нашего вмешательства. 2001-ом ему присвоили звание Героя Украины, а в 2005-ом - генерал-майора.

Когда же Березняк стал вновь известным и популярным человеком, очень многие, в том числе и люди высокопоставленные, выразили желание (и продолжают это делать) хоть как-то приобщиться к нему, воспользоваться его авторитетом. Но Евгений Степанович никогда в угоду конъюнктуре не делал ни единого шага в этом направлении, не позволял себе служить рекламой кому бы то ни было.

Он никогда не придерживался крайних позиций в отношении национального вопроса. Не относился ни к тем, кто «рвет на себе рубашку», доказывая, что он самый украинский украинец и ни к тем, кто забывает, что живет в Украине. Прекрасно знает украинский язык, однако, прежде, чем общаться с человеком, он интересуется, смогут ли его понять. Такое правильное сочетание патриотизма и наших исторических корней, которые были связаны с Советским Союзом, делают Березняка прообразом того украинца, к которому, я надеюсь, мы со временем придем.

Евгений Степанович очень трепетно относится к своему званию Героя Украины, но когда это же звание было присвоено Степану Бендере, его возмущение было настолько сильным, что он готов был отказаться от этого высокого звания. Таким принципиальным человеком он был всегда и во всем, и остается им и сегодня.

По моему мнению, Березняк – это явление, которое следует изучать. Значение его личных качеств только усиливается с течением времени, особенно в условиях идеологической борьбы, которая началась в начале 90-х и продолжается сейчас. Он как раз и есть тем примером, на котором можно учиться и жизни, и профессии разведчика, и профессии педагога. Об этом свидетельствует огромный, неиссякаемый интерес к его личности со стороны любой молодежной аудитории - студентов, школьников или курсантов.

Президент Фонда ветеранов военной разведки
Генерал-майор запаса Ю. Т. Левченко

Моя перша зустріч з Євгеном Степановичем відбулася у 1968 році під час навчання у Київському суворовському військовому училищі. У одного із офіцерів-вихователів, який тоді був для нас педагогом-вихователем, була змога запросити до нас на зустріч розвідника. На той час Березняк ще не був такою відомою людиною, бо тільки у 1965-му році вперше з'явилися перші статті про нього та діяльність його розвідувальної групи «Голос».

Мені тоді було не повних 16 років. Я до того часу уже прочитав Юрія Доль-Михайлика «І один у полі воїн» і ще якісь книги про розвідку, але я ніколи навіть не думав, що можу зустрітись із розвідником віч-на-віч.

Зустріч із Березняком не виправдала моїх юнацьких сподівань і уявлень про справжніх героїв. Я думав, що розвідником має бути якась надлюдина. А я побачив перед собою простого у спілкуванні, звичайного чоловіка. Він не так багато розповідав про свою розвідувальну діяльність, а більше говорив як вчитель, як батько. Про навчання, про те, як побудувати лінію свого майбутнього життя та про інші важливі речі.

Цю розмову я проніс через все життя. І коли мені запропонували піти у розвідку (у розвідку іти пропонують), згадалась наша зустріч, поради Євгена Степановича, хоча пройшло більше 10 років. Рішення я прийняв відразу.

Потім ми дуже часто зустрічалися і у справах, і просто поспілкуватися у домашньому колі. Він дуже цікава людина у спілкуванні. Говорили на різні теми, в тому числі на тему виховання у молоді патріотизму. Зараз вся робота, яка проводиться у стінах нашої Воєнно-дипломатичної академії і Березняком особисто, спрямована на виховання саме цієї якості у молодій людині.

Євген Степанович – це скарбниця педагогічних порад. Він має чималий досвід у цих питаннях і практично ніколи не помиляється у своїх висновках, якщо з ним радитись. У той же час він

ніколи не хизується тим, що дуже багато років пропрацював на цій ниві і не дає приводу відчути, що має у цьому перевагу.

Він ніколи не займає позицію наставника, скоріше товариша, друга або колеги. А його поради зовсім ненав'язливі, викладені з гумором. У розмові навіть і не відчуваєш, що отримав пораду, а уже потім, коли починаєш аналізувати, розумієш, що саме підказав Березняк.

Коли я писав дисертацію на педагогічну тему (це теж трішки від Березняка), дуже уважно перечитав трьохтомник його педагогічних праць. І, хоча тема моєї дисертації була специфічна, ближче до професійного спрямування, але деякі важливі моменти із творів Євгена Степановича мені дуже стали у пригоді. В інших джерелах, які я вивчав, такого матеріалу не було.

Я ніколи не мріяв стати розвідником, але мріяв бути педагогом. І коли постало питання про дисертацію, я, порадившись з Євгеном Степановичем, вирішив писати її саме на педагогічну тему. Він підтримав мене тоді у нелегкому виборі і за це я йому дуже вдячний.

Його почуття гумору ціную дуже високо. Пригадую ситуацію, коли Березняку присвоїли звання «Почесного солдата» нашого тоді ще інституту і ми показали йому кімнату почесного солдата. Він про щось розповідав, а потім каже: «От добре, тепер у мене буде запасний аеродром. Якщо раптом дружина вижене, то я буду знати, куди піти». Такі слова об'єднують людей, а він їх дуже любить.

Ця його любов до людей, до життя, просто вражаюча. Впевнений, що саме вона надала йому довголіття. Любов проявляється у працездатності - він завжди у пошуку, у русі. Ніколи не ховається у собі, відкритий для спілкування. За довгий час співпраці з ним, як із посадовцем і просто людиною, він ніколи не сказав «ні». Ніколи не сказав, що йому щось не сподобалось, хоча моменти бувають різні. Точка зору його завжди позитивна.

Він має ще один талант, дуже рідкісний – вміння слухати людину. Уважно і проникливо. Йому я можу говорити відверті речі, так само, як і він мені, і я знаю, що все це залишиться між нами.

Я багато чого перейняв у Євгена Степановича, особливо що стосується роботи з людьми. І дуже хотів би, щоб і слухачі нашого навчального закладу знайшли в цій особистості щось своє, цікаве для наслідування і розуміння сенсу життя.

Начальник Воєнно-дипломатичної академії
генерал-майор В. Г. Кушов

БИОГРАФИЯ

БЕРЕЗНЯК Евгений Степанович («Голос», «капитан Михайлов», **Винцентий Казимирович Патковский**, «майор «Вихрь»)

Родился 25.02.1914 г., г. Екатеринослав, ныне г. Днепропетровск.

Командир разведывательной группы, легендарный «майор Вихрь».

Украинец. Из служащих. Генерал-майор (2.05.2005). Герой Украины (21.08.2001). В Красной Армии с 1943 г. Член компартии с 1939 г. Окончил педагогический техникум (1931), 2 курса Днепропетровского горного института, географический факультет Осипенковского учительского института (1938), Специальную разведывательную школу РУ Генштаба КА (1944, с отличием), исторический факультет Львовского педагогического института (1947). Владел немецким языком.

До войны работал учителем сельской школы в Кировоградской и Днепропетровской областях (1931-1935); заучем, директором Новоселовской средней школы, инспектором, заведующим районного отдела народного образования в Днепропетровской обл. (1935-1939); заведовал Шевченковским районным и Львовским городским отделом народного образования (1939-1941). Был награжден медалью «За трудовую доблесть» (1939).

Участник Великой Отечественной войны. С октября 1941 г. на подпольной работе в Днепропетровской обл. Был пропагандистом и связным Петропавловского подпольного райкома и Днепропетровского обкома партии, занимался агитационной работой среди населения на оккупированной территории. Работал рабочим на железной дороге, вел разведывательную и подрывную работу. По заданию подпольного обкома партии устроился на работу в немецкую фирму «Украинель», где продолжал вести разведывательную работу и агитацию среди немецких и итальянских солдат. После освобождения области работал заведующим сектором информации Днепропетровского обкома партии (конец 1943-январь 1944).

В январе 1944 г. был отобран для работы в военной разведке. После окончания разведывательной школы направлен в распоряжение РО штаба 1-го Украинского фронта (с 1 июля 1944). Прошел дополнительную разведывательную подготовку при РО штаба фронта. Готовился к выполнению задания в качестве командира разведывательной группы для действий в оккупированном Львове, но получил новую задачу. В ночь на 19 августа 1944 г. во главе разведывательно-диверсионной группы «Голос» под именем «капитан Михайлов» десантировался в районе г. Краков (Польша) с задачей организовать разведку войск, оборонительных рубежей и воинских перевозок противника, районов расположения штабов, узлов связи, аэродромов и объектов тыла противника. Был захвачен гестапо. Бежал. Привлек к разведывательной работе несколько польских патриотов, значительно расширил агентурную сеть, завербовав свыше десяти ценных источников, которые выполняли задачи по разведке войск и военных объектов. Добываемые сведения немедленно передавались по радио в штаб фронта. При организации и ведении разведывательно-диверсионной работы в тылу противника в исключительно сложной обстановке проявил стойкость, мужество, инициативу, умение и настойчивость в достижении целей.

За период работы в тылу противника (19 августа 1944-23 января 1945) группой была полностью вскрыта краковская группировка войск, в состав которой входило семь пехотных дивизий (78-я, 96-я, 208-я, 359-я, 371-я, 544-я и 545-я), 20-я танковая дивизия и 344-я гренадерская дивизия. Были установлены места расположения штабов 59-го армейского корпуса, дислокация частей авиационного корпуса и других частей. Силами созданного боевого отряда из бежавших из плена советских военнослужащих организованы и проведены диверсии на железнодорожных и шоссейных коммуникациях противника. Всего командование фронта получило от группы «Голос» свыше 140 радиogramм с весьма ценными разведывательными сведениями о войсках и военных объектах немцев, расположенных в Кракове и его окрестностях, а также о системе обороны и оборонительных сооружениях по рубежу р. Висла. Эти сведения имели важное значение для планирования и успешного проведения войсками фронта операции по разгрому краковской группировки противника. От источника «Правдивый» (Курт Гартман) и захваченного в плен инженер-майора краковского укрепрайона К.Пеккеля был получен и передан командованию фронта план минирования Кракова. Группа своими действиями спасла Краков от разрушения. После выполнения задания, вернувшись в РО штаба фронта и подробно доложив о действиях группы, в

г.ч. и своем пленении, был направлен на проверку в Подольский проверочно-фильтрационный лагерь НКВД №174. Проведенные многочисленные проверки подтвердили его невиновность, по ходатайству ГРУ Генштаба был освобожден и демобилизован из армии. Окончательно реабилитирован в 1965 г.

После войны заведующий сектором печати Львовского областного комитета партии (1949), возглавлял Львовский городской отдел народного образования (конец 1949-1950), работал начальником отдела учебных заведений Львовской железной дороги (1950-1954), избирался депутатом Львовского городского совета. С 1954 г. на работе в Министерстве просвещения Украины, начальник Главного управления школ, член коллегии министерства (1959-1984). Избирался членом Президиума ЦК профсоюза учителей Украины, заместителем председателя Республиканского Совета мира. Более 20 лет был членом редколлегии журнала «Народное образование» (Москва). В последние годы трудовой деятельности работал старшим научным сотрудником Института педагогики Академии педагогических наук Украины. За свою 65-летнюю педагогическую деятельность подготовил и издал 6 монографий, более 100 научных публикаций по вопросам управления в системе народного образования, обучения и воспитания учащихся. С апреля 1998г. на пенсии.

В 1965 г. в «Комсомольской правде» вышла статья «Город не должен умереть» с предисловием Маршала Советского Союза В.Д.Соколовского о деятельности группы «Голос» и спасении Кракова. После публикации был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. Через год Юлиан Семенов пишет повесть «Майор Вихрь», по которой снимают художественный фильм с одноименным названием. В 1971 г. в издательстве «Молодая гвардия» выходит книга Е.С.Березняка «Я - Голос». Книга под разными названиями («Пароль «Dum spigo...», «Операция «Голос») переиздавалась на русском, украинском, польском, болгарском, узбекском языках, общим тиражом более 2 миллионов экземпляров. На экранах в разные годы вышли документальные фильмы «Теперь их можно называть» (Москва), «Сохранить город», «Акция «Голос» (Польша), «Имена», «Киевлянин», «Милые мои, люди мои» (Киев) и др.

Активно участвует в общественной жизни. Является членом Киевского городского совета ветеранов, почетным членом Фонда ветеранов военной разведки Украины. Часто встречается с военными разведчиками (читал курс по специальной работе в Институте военно-дипломатической службы Национальной академии

обороны Украины), военнослужащими, школьниками и студентами.

В августе 2001 г. Указом Президента Украины присвоено звание Герой Украины. В мае 2005 г. Указом Президента Украины присвоено воинское звание «генерал-майор запаса». Портрет Е.С.Березняка находится в Зале Славы ГРУ ГШ РФ в Москве среди выдающихся военных разведчиков и в музее ГУР МО Украины.

Оценивая роль и заслуги Е.С.Березняка при выполнении разведывательно-боевых задач, можно привести несколько цитат из официальных документов:

«Материалы, полученные от группы «Голос», которая действовала в исключительно тяжелых условиях, были исключительно точны и важны, все разведывательные донесения подтвердились боями» (оценка командования 1-го Украинского фронта действий группы, февраль 1945);

«Разведывательной группой «Голос» была вскрыта краковская группировка противника... Было получено большое количество радиogramм с разведанными о войсках и военных объектах противника... Все члены группы, проявив исключительную стойкость, смелость и мужество, успешно выполнили поставленные перед ними командованием фронта задачи... что способствовало успешному наступлению наших войск в данном районе...» (из доклада Министру обороны СССР начальника ГРУ ГШ ВС СССР генерал-полковника П.И.Ивашутина, 1965);

«За образцовое выполнение заданий командования в тылу противника и проявленные при этом мужество и отвагу...» (их текста Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8.05.1965 г. о награждении орденом Отечественной войны 1-й степени);

«За личное мужество и отвагу, героизм и самопожертвование, проявленные при выполнении особо важных задач во время Великой Отечественной войны...» (из текста Указа Президента Украины от 21.08.2001 г. о присвоении звания Герой Украины);

«За смелость и мужество, проявленные в ходе операции по освобождению польского города Кракова и предотвращению уничтожения его немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны...» (из текста Указа Президента Российской Федерации от 9.05.2007 г. о награждении орденом «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени).

Живет в Киеве.

НАГРАДЫ

ОРДЕНА И МЕДАЛИ:

- орден «Золотая Звезда» Героя Украины
(21.08.2001),
- орден Октябрьской Революции,
- ордена Отечественной войны 1-й (8.05.1965)
и 2-й (1985) степени,
- орден Трудового Красного Знамени,
- орден «Знак Почета»,
- ордена «За заслуги» 1-й (25.02.2009)
и 3-й степени (Украина),
- ордена Богдана Хмельницкого 1-й (30.04.2005),
2-й (19.02.2004) и 3-й степени (1999, Украина),
- орден «За заслуги перед Отечеством»
4-й степени (9.05.2007, РФ),
- орден Дружбы (25.02.2004, РФ),
- две медали «За трудовую доблесть»,
- польский орден «Виртути Милитари» (1965)
- польский орден «Золотой Крест
Партизанской славы»,
- золотой знак Кракова,
- многочисленные медали СССР, Украины, РФ, других стран, обще-
ственных организаций.
- медаль им. Н.К.Крупской,
- медаль им. К.Д.Ушинского,
- медаль им. А.С.Макаренко.

ПОЧЕТНЫЕ ЗВАНИЯ:

Кандидат педагогических наук (1968),

Заслуженный учитель УССР (1961),

Почетный академик
Академии педагогических наук Украины,

Почетный профессор Днепропетровского
национального горного университета,

Почетный профессор
Национального педагогического университета
им. М.П.Драгоманова.

Почетный гражданин Киева и Кракова.

Назначена пожизненная
государственная стипендия
(Указ Президента Украины 14.08.2009).

Установлена стипендия
им. Е.С.Березняка для слушателей
высших военных учебных заведений
(Постановление Кабинета Министров Украины 15.06.2000).

Почетный сотрудник Главного управления
разведки Министерства обороны Украины,

Почетный член Фонда ветеранов
военной разведки Украины.

Навечно зачислен Почетным солдатом
Института военно-дипломатической службы
Национальной академии обороны Украины
(Военно-дипломатической академии)

ПЕРЕЧЕНЬ ТРУДОВ

О ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ:

- Вибрані педагогічні праці в трьох томах. К.: Видавництво університету ім. Драгоманова, 2008.
- Пути развития всеобщего образования на Украине. – К.: «Радянська школа», 1964.
- Руководство современной школой. – М.: «Просвещение», 1983.
- Питання інспектування роботи школи і вчителя. – К.: «Радянська школа», 1967.
- Керівництво роботою школи. – К.: «Радянська школа», 1970.
- Важнейшее звено управления школой. – К.: «Радянська школа», 1981.
- Молодому учителю. – К.: «Радянська школа», 1988.
- Реалізація принципу демократизації в управлінській діяльності директора школи. – К.: «Генеза», 2003.
- Пути преодоления второгодничества. – К.: «Радянська школа», 1969.
- Директор школы и реформа. – К.: «Радянська школа», 1988.
- пять монографий, более 100 научных статей.

О ВОЙНЕ:

- Я – «Голос». – М.: Молодая гвардия, 1971.
- Операция «Голос». Рассказ разведчика. – М.: «Республика», 1992.
- Пароль «DUM SPIRO». – К.: Політична література України, 1972, 1974, 1979, 1987.
- Пароль «DUM SPIRO...»: Розповідь розвідника. – К.: Україна, 2006.